

Т.М.Потемкина

ИЕРАРХИЯ ПОЛОВЕЦКОЙ ЗНАТИ (ПО ПОГРЕБЕНИЯМ СО СТАТУСНЫМИ ПРЕДМЕТАМИ)

Социальная стратификация, основанная на неравномерном распределении прав и привилегий, власти, престижа и влияния, обязанностей, ответственности, является одним из механизмов, через которые структурируется общество (Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д., 2006, с.250-251). Социальная структура половецкого общества подвергалась изучению медиевистами неоднократно. В результате среди исследователей средневековых кочевников утвердилось мнение, что не только мужчины, но и женщины-половчанки играли заметную роль в политической и хозяйственной жизни своего народа. Это положение, ставшее практически аксиомой, подтверждено как письменными, так и археологическими источниками. Так, например, после смерти знатных женщин им ставили “памятники” (изваяния), подчеркивая, как правило, роль половчанок именно в качестве хранительниц жизни.

Наиболее полно вопрос об иерархии аристократической части половецкого общества на основе письменных источников освещен С.А.Плетневой (1958, с.195; 1990, с.129-132). Используя древнерусские летописи, “Слово о полку Игореве”, Половецкий словарь, “Сказание о пленном половчанине”, путевые записки еврейского купца Петахьи, исследовательница выделила следующие ранги знатных мужчин-половцев: кошевой, бей, господчич (глава коша); бег (бек), уньший князь – глава крупного коша или рода; хан, солтан, князь (глава орды). Однако эти данные не были соотнесены ею с археологическими памятниками половцев. Лишь по одному половецкому погребению (из Чингульского кургана) С.А.Плетнева высказалась довольно определенно: “Его социальная принадлежность не вызывает сомнений – это захоронение знатного человека, скорее всего, хана” (Плетнева С.А., 2003, с.161).

Г.А.Федоров-Давыдов отнесся критически к вышеприведенной попытке С.А.Плетневой

сопоставить социальные термины в “Codex Cumanicus” с терминологией летописей для половецкого общества домонгольского времени. Он полагал, что, поскольку “Codex Cumanicus” составлен на языковом материале золотоордынского города конца XIII в., его нельзя использовать, так как этот словарь отражает социальный строй Золотой Орды, а не домонгольской кочевой степи (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.222). В то же время сам исследователь предложил разделять кочевнические погребения на имущественные разряды по наличию золотых вещей. Женские захоронения, по Г.А.Федорову-Давыдову, имеют всего 2 разряда: богатые с золотыми предметами (Жа), рядовые (Жб) – все остальные. Критериями для деления мужских погребений, кроме наличия золотых изделий, послужили наборы оружия. В результате Г.А.Федоровым-Давыдовым были обозначены 3 группы мужских захоронений: Ма – тяжело вооруженные всадники, Мб – легко вооруженные всадники, Мв – “слой населения, далекий от войны, лишенный вооружения... Это, возможно, приниженный, зависимый слой общества” (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.118-119). При этом к знати исследователь отнес только погребения разряда Ма. Но кем были эти представители знати, какую роль они выполняли в обществе, – эти вопросы Г.А.Федоров-Давыдов даже не ставил.

Как известно, главным источником для социологической реконструкции в археологии служат погребальные памятники, которые наиболее пригодны при изучении социальной дифференциации общества (Бунятян Е.П., 1985, с.27-29; Ольховский В.С., 1995, с.92-95; Цимиданов В.В., 2004, с.5), в частности, иерархических взаимосвязей кочевого общественного уклада. Это связано с тем, что на формирование идеологических представлений, обуславливающих специфику пог-

ребального обряда, наибольшее воздействие оказывают социальный и этнический факторы. Одним из важнейших критериев определения прижизненного статуса умершего считается набор погребального инвентаря. Несмотря на то, что отношение к нему у исследователей разное, не учитывать его нельзя. Например, А.О.Добролюбский считает, что “сам по себе погребальный инвентарь для воспроизведения социальной стратификации является не определяющим, а искажающим признаком”, и что его “следует рассматривать как побочный, корректировочный компонент реконструкции” (Добролюбский А.О., 1978, с.113). Хотя четыре года спустя эта категоричность сменилась более осторожным высказыванием: “...мы пока воздерживаемся от интерпретации инвентаря на социологическом уровне исследования” (Добролюбский А.О., 1982, с.62). Однако большинство современных исследователей полагают, что не количество инвентаря, а отдельные предметы, несущие прямую социологическую информацию, могут помочь определить статус и ранговую характеристику погребенных.

В средневековой археологии кочевников к таковым, в первую очередь, относят котел и распрямленную гривну. По поводу символической роли такой обыденной вещи как котел у исследователей сложилось достаточно обоснованное однозначное мнение: котел был символом родового объединения, атрибутом, подчеркивающим высокое социальное положение умерших, а захоронения с котлами принадлежали представителям родовой и племенной аристократии кочевого общества (Швецов М.Л., 1980, с.201; Плетнева С.А., 2003, с.163).

Специальных работ, в которых рассматриваются различные аспекты погребений с распрямленной гривной, всего несколько. Опубликовав 7 комплексов из Днепропетровской области, В.Н.Шалобудов пришел к выводу, что распрямленная гривна – это символ социальной выделенности, знатности, а погребения с гривнами-жезлами принадлежат половецкой аристократии (Шалобудов В.Н., Яремачка, 1987, с.135; Шалобудов В.Н., 1990, с.118). В.К.Гриб, проанализировав 12 погребений, поддержал мнение С.А.Плетневой о том, что разогнутые гривны являются знаками особого достоинства умерших. Он первым предположил “сугубую ритуальность” этих предметов

(Гриб В.К., 1986, с.55). У С.А.Плетневой нет специальных публикаций, посвященных ранговым атрибутам поздних кочевников, однако в обобщающих трудах она неоднократно высказывала свое мнение о распрямленных гривнах: “По-видимому, эти гривны, переделанные в палочки, являлись знаками особого достоинства, своеобразными жезлами” (Плетнева С.А., 1981, с.215). “Жезлом имел право владеть руководитель (владелец) большего или меньшего из подразделений. Жезл, положенный женщинам, означает, по-видимому, факт принадлежности к половецкому сообществу...” (Плетнева С.А., 2003, с.162), “...сделанные из распрямленных гривен «жезлы» разной ценности” были, “очевидно, разного достоинства” (Плетнева С.А., 2003, с.164).

Самая крупная работа, посвященная семантике распрямленных гривен в контексте погребального обряда кочевников Восточной Европы XII-XIV вв., опубликована А.В.Евглевским (1998, с.141-156). Проанализировав достаточно большой массив погребений (56 комплексов), автор пришел к следующим выводам. Распрямленная гривна – сугубо погребальный атрибут, наделенный какой-то культовой нагрузкой (Евглевский А.В., 1998, с.142). Распрямленная гривна равносильна понятию жезла, который по своему происхождению связан с культом предков, она является еще и символом мирового дерева (Евглевский А.В., 1998, с.153). “Распрямленные гривны из благородных металлов встречаются, как правило, в богатых и средних (условно) погребениях, тогда как ... железные гривны ... вкладывались в руки умерших в подавляющем большинстве в рядовых комплексах” (Евглевский А.В., 1998, с.152).

Есть альтернативная трактовка предназначения распрямленной гривны, которую предложили В.П.Глебов и В.В.Яценко и поддержал Ю.К.Гугуев. Эти исследователи полагают, что распрямленная гривна – это средство платежа за вход в загробный мир, а распрямление гривен означает их перевод из категории украшений в категорию денег (Глебов В.П., Яценко В.В., 1998, с.51-52; Гугуев Ю.К., 2009, с.137).

Поскольку распрямленные гривны – производное от шейных, логично рассмотреть позднекочевнические погребения с шейной гривной в контексте проблематики данной ста-

тьи. Специальных работ, посвященных шейным гривнам средневековых кочевников, нет. Есть лишь отдельные упоминания у некоторых исследователей, причем часто противоречивые. Так, например, А.П.Моця, А.А.Козловский, Л.М.Рутковская полагают, что шейные гривны – нетипичное для кочевников украшение, заимствованное в результате контактов от славян (Моця А.П. и др., 1986, с.511). А С.А.Плетнева утверждает, что гривны – наиболее распространенное и излюбленное украшение половецких женщин (Плетнева С.А., 1990, с.45, 71). По мнению А.В.Евглевского, “войдя в тесное взаимодействие с культурой Руси, кочевники приняли славянскую шейную гривну как выразительный социально-значимый атрибут... ранее уже, кстати, бытовавший у них в заволжско-сибирских степях” (Евглевский А.В., 1998, с.152). Он считает, что “шейные гривны... поступали в степь с Руси” (Евглевский А.В., 1998, с.147), ссылаясь при этом на Г.Ф.Корзухину: “...шейные гривны (рис.1), поступающие в степь с Руси [Корзухина, 1954, с.19]...” (Евглевский А.В., 1998, с.147). Нами недавно была предпринята попытка рассмотреть социокультурный аспект половецких погребений с шейной гривной (Потемкина Т.М., 2010б, с.95-103).

Как видим, историографический обзор демонстрирует, что исследователи не изучали прижизненный статус кочевников, погребенных с шейной гривной, лишь бегло касались темы социального положения умерших с распрямленной гривной, причем без развернутого обоснования своих предположений. Значительно лучше обстоит дело с изучаемым нами аспектом в отношении захоронений с котлом. Но после публикации статьи М.Л.Швецова прошло 30 лет, объем источников значительно возрос, поэтому, на наш взгляд, актуально вновь рассмотреть эти памятники.

Как известно, “помимо имущественной, кочевничество характеризовала и значительная социальная дифференциация” (Марков Г.Е., 1976, с.302). А в достаточно развитом стратифицированном обществе, каким являлись половцы, наблюдается сближение имущественного и социального статусов индивида, то есть знатность, как правило, означает богатство, а богатство, как правило, означает

знатность. Это делает необходимым анализ всех основных признаков погребального обряда и всей совокупности сопроводительного инвентаря. Цель данной работы – определить прижизненный статус и ранг половцев (мужчин и женщин), в состав погребального инвентаря которых входят социально определенные предметы, такие как котел, шейная и распрямленная гривны или их наборы. Относительно терминов “статус” и “ранг” мы придерживаемся их общепринятого значения. Статус – это общественное положение индивида, принадлежность к определенной социальной группе (слою, прослойке). Ранг – степень социальной неординарности, градация (позиция) внутри статуса.

Погребальный обряд и сопроводительный инвентарь женских погребений

В массиве женских половецких погребений выделяется небольшое количество захоронений со статусными предметами, которые определенно связаны с единственной социальной категорией (Ольховский В.С., 1995, с.93). Их можно разделить на 3 группы: с одним статусным предметом, с двумя и тремя. Первая группа самая многочисленная: с шейной гривной – 28 комплексов, с котлом – 13, с распрямленной гривной – 7. Во вторую группу входят всего 2 комплекса: 1 с распрямленной и шейной гривнами и 1 с шейной гривной и котлом. В шести захоронениях третьей группы присутствуют шейная гривна, котел и распрямленная гривна. Таким образом, источниковую базу женских захоронений составляют 56 комплексов¹. Следует отметить, что из 13 погребений с котлом 2 из-за разрушенности комплексов и невыразительности инвентаря отнесены к женским условно, 2 (Восточный Маныч-II, 38/2 и Ак-Таш 63/2) – парные, но котел (или дужка от него) находился в ногах женщины, поэтому погребения учтены среди женских. Кроме этого, необходимо уточнить, что, поскольку гривна (как распрямленная, так и шейная) считается этномаркирующим признаком половцев, в источник погребений с котлом не были включены захоронения с явными

¹ Благодарим А.В.Евглевского за возможность использовать материалы из его личного архива.

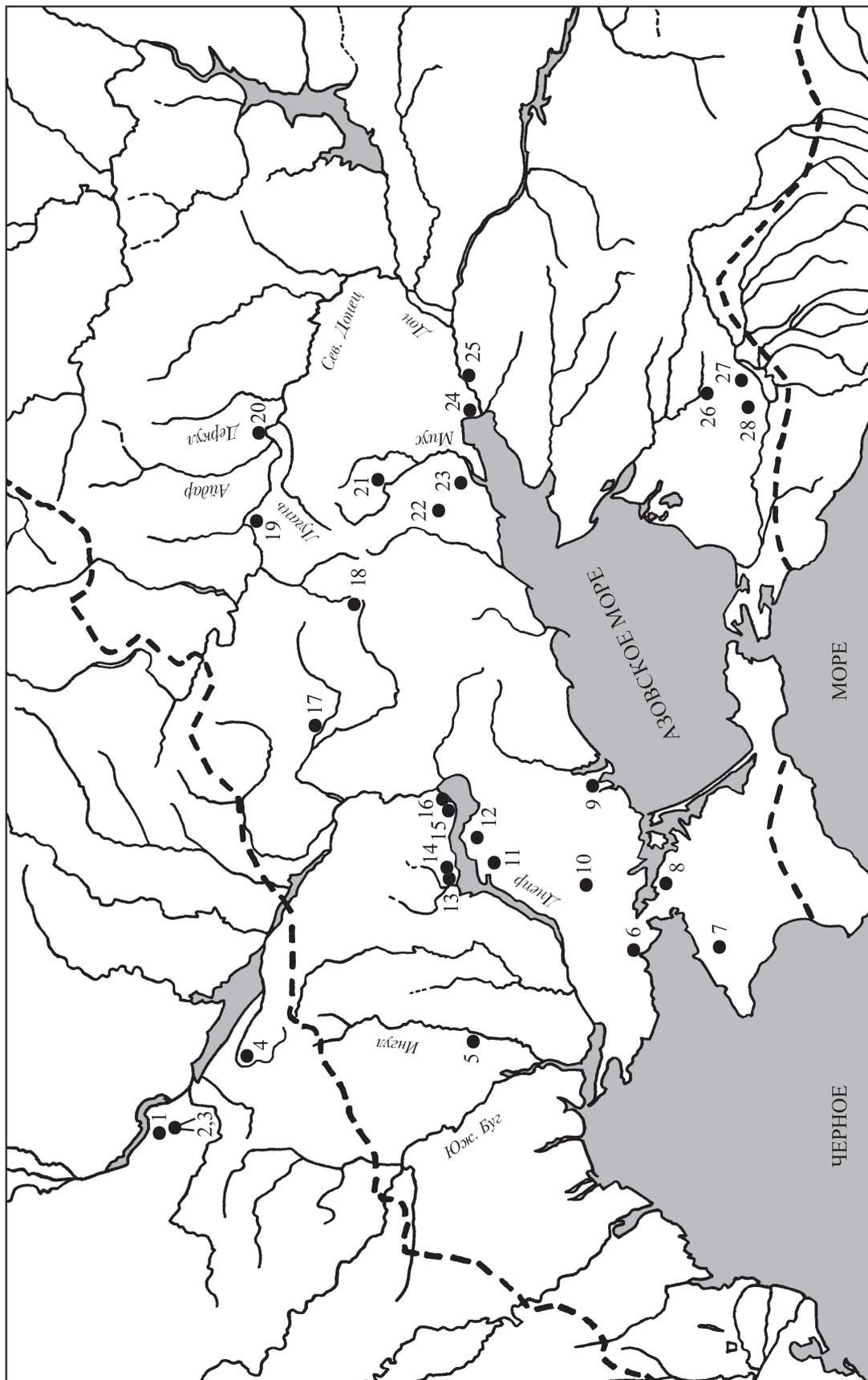

Рис. 1. Погребения с шейной гривной: 1 – Бурты, к.260; 2 – Лучки, к.6; 3 – Лучки, к.8; 4 – Смела, к.54; 5 – Привольное 4/1; 6 – Каланчак 2/1; 7 – Солдатово 2/2; 8 – Богачевка 9/4; 9 – Давыдовка 15/1; 10 – Скворцовка 4/1; 11 – В.Рогачик 1/6; 12 – Б.Белозерка 11/2; 13 – Кут 27/4; 14 – Круглая могила 13/1; 15 – В.Тарасовка-II, 5/3; 16 – Беленькое 1/2; 17 – Вербки-II, 5/3; 18 – Птичье 1/1; 19 – Приволье 6/1; 20 – Петровка-I, 2/2; 21 – Артемовка; 22 – Каменка-II, 1/1; 23 – Таврия-I, 2/5; 24 – Царский 42/1; 25 – Алитуб 10/6; 26 – Пролетарский 1/6; 27 – Забытый 2/5; 28 – Новотитаровская 6/3.

Fig. 1. Burials with a neck grivna: 1 – Burty, barrow 260; 2 – Luchki, barrow 6; 3 – Luchki, barrow 8; 4 – Smela, barrow 54; 5 – Privolnoie 4/1; 6 – Kalanchak 2/1; 7 – Soldatovo 2/2; 8 – Bogachevka 9/4; 9 – Davydovka 15/1; 10 – Skvortsovka 4/1; 11 – V.Rogachik 1/6; 12 – Bolshaia Belozerka; 13 – Kut 27/4; 14 – Kruglaia mogila 13/1; 15 – V.Tarasovka-II, 5/3; 16 – Belenkoie 1/2; 17 – Verbki-II, 5/3; 18 – Ptichie 1/1; 19 – Privolie 6/1; 20 – Petrovka-I, 2/2; 21 – Artiomovka; 22 – Kamenka-II, 1/1; 23 – Tavriya-I, 2/5; 24 – Tsarskii 42/1; 25 – Alitub 10/6; 26 – Proletarskii 1/6; 27 – Zabytyi 2/5; 28 – Novotitarovskaia 6/3

неполовецкими (например, с северной ориентировкой) признаками погребального обряда.

Погребения с одним статусным предметом

Картографирование памятников показало следующую картину. Комплексы с **шейной гривной** распространены на достаточно широкой территории: от Поингуля на западе до Подонцовья и Нижнего Подонья на востоке, и от Поросья на севере до Крыма и Прикубанья на юге (рис. 1).

Половозрастная характеристика данной группы погребенных представляет несомненный интерес. Из 28 комплексов 22 принадлежит взрослым женщинам, 4 – подросткам 10-14 лет, 1 – ребенку 7-8 лет, 1 – ребенку 3-4 лет. Ни в одном мужском половецком погребении шейная гривна не встречена. Упоминание отдельными исследователями (Отрощенко В.В., Рассмакин Ю.Я., 1986, с.14-36; Евглевский А.В., 1998, с.147) о находке шейных гривен в мужских погребениях (Чингул; Юзово, к.С²) является ошибкой. В Чингуле шейное украшение представляет собой длинную толстую сложноплетеную серебряную цепь; в юзовском погребении за шейную гривну было принято украшение воротника кафтана серебряной фольгой.

Погребальный обряд захоронений с шейной гривной характеризуется следующими признаками. Основных погребений – 6 (21%), впускных – 22 (79%). Ров, кромлех, тризна отмечены в 7 случаях. Конструкция могильной ямы зафиксирована в 20 погребениях: яма (или подбой) со ступенькой – 10, простая яма – 10 (из них 7 больших размеров). Наличие деревянного или каменного перекрытия отмечено в 7 комплексах, гробовища – в 15 (54%). Конь зафиксирован в 14 (50%) захоронениях: целый – 5; 3 типа (по А.Г.Атавину) – 4; тип не ясен – 5. В западном секторе ориентированы 13 (48%) умерших, в восточном – 13 (48%), на юг – 1, ориентировка не определена – 1.

Инвентарь данной группы разнообразен. Металл шейных гривен следующий: золотых нет вообще, серебряных позолоченных – 4, серебряных – 16, бронзовых – 3 (1 из них посеребрена), железных – 2, железных посеребренных – 3. Изделия из драгметаллов представляют собой различные украшения: золотые и серебряные височные кольца³ – 9, серебряные позолоченные бляхи – 7, серебряная цепь – 4, серебряные позолоченные нагрудные украшения – 3, посеребренные и позолоченные “рога” (часть головного убора) – 10, серебряные браслеты – 3, серебряные и золотые колты – 4, серьги – 4, кольца – 3 и др. Всего изделий из драгметаллов (включая посеребренные и позолоченные) – 75 (268%)⁴. Набор

² Более подробную информацию о данном комплексе см.: Усачук А.Н. и др., 2004, с.32-34.

³ Парные предметы (серьги, браслеты, колты и т.д.) учитывались как одна единица.

⁴ При подсчете изделий из драгметаллов учитывались предметы всех категорий, поэтому количество процентов почти во всех группах превышает 100.

бытовых предметов в данной группе достаточно разнообразен. Здесь, кроме обычных женских вещей, можно назвать, например, подушку, шелковую и парчовую ткань, замок, ключ, деревянный гребень, железный серп. Конская упряжь представлена следующим комплектом: удила – 7, стремяна – 8, седло – 4. К единичным предметам относятся меловой “идольчик”, золотая византийская монета в качестве подвески, свинцовое кольцо, плакированное бронзовой фольгой, бронзовая булава, костяная рукоять плети, бусы, подвески и амулеты из полудрагоценных камней.

Анализ сопроводительного инвентаря и погребального обряда захоронений с шейной гривной дал интересные результаты. Здесь 12 (43%) погребений отнесены к разряду⁵ “с обычным инвентарем”, 11 (39%) – среднего уровня, богатых только 5 (18%). Подтверждает правильность разграничения погребений на указанные разряды количество изделий из драгоценных металлов.

Датировка данной группы следующая: XII в. – 3, XII – 1-я пол. XIII в. – 6, XII-XIII вв. – 14, XII – 1-я пол. XIV в. – 1, сер. XIII в. – 1, XIII в. – 2, 2-я пол. XIII – 1-я пол. XIV в. – 1.

Географические рамки женских комплексов с **котлом** несколько иные: они обнаружены от Нижнего Поднепровья на западе до Нижнего Подонья и Калмыцкой степи на востоке, и от Среднего Подонья на севере до Крыма на юге (рис.2).

Обобщенная характеристика данной группы захоронений следующая. Из 13 погребений 3 – основных (25%), впускных – 9 (75%), из них 1 с досыпкой⁶, по 1 погребению сведений нет. Конструкции в насыпи кургана (ров, до-

сыпка, камень) и тризна зафиксированы в 6 (46%) случаях. Форма ямы: простая – 2 (15%), яма (подбой) со ступенькой – 7, яма с заплечиками – 2, в 2 погребениях форма не зафиксирована. Перекрытие (деревянное, каменное) отмечено в 6 захоронениях, колеса, повозка – в 2. Гробовище обнаружено в 9 (69%) случаях: решетчатое – 2, дощатое – 1, решетчатый настил – 1, дощатый настил – 1, тип не установлен – 4. Подстилка (растительная, кожаная) зафиксирована в 4 погребениях, мел – в 1. Разрушено по разным причинам 9 (69%) захоронений. В 9 случаях погребенную сопровождал конь: целый – 2; 3 типа – 2; тип не ясен – 5. В западном секторе ориентировано 10 (77%) умерших, в восточном – 3 (23%).

Сопроводительный инвентарь, найденный в комплексах, многочисленный и разнообразный. Всего предметов из драгметаллов (в том числе посеребренных и позолоченных) обнаружено 29 (223%). Среди украшений можно назвать “рога” – 2, серебряные, золотые и бронзовые височные подвески – 4, серебряные и бронзовые браслеты – 5, золотые, серебряные и бронзовые бляхи – 4, золотые и серебряные серьги – 4, золотые пуговицы – 1, стеклянные и каменные подвески и бусы – 3, золотые и серебряные перстни – 3, серебряная цепочка – 1, другие серебряные и бронзовые позолоченные украшения – 6. Среди бытовых предметов встречены гончарные и лепные сосуды – 3, деревянное блюдо с серебряной оковкой – 1, серебряная чаша – 1, пряслице – 3, зеркало – 5, ножницы – 2, нож – 6, игла – 2. К конской упряжи относятся стремяна – 7, удила – 4, рукоять плети – 2, седло – 2. В 6 (46%) погребениях найдена шелковая/парчовая одежда (ткань). В 2

⁵ Критериями для деления на разряды послужили следующие моменты: наличие в насыпи досыпки, каких-либо конструкций и остатков тризны, сложность погребального сооружения и наличие дополнительных деталей (перекрытия, гробовища, посыпок и т.п.), количество изделий из драгметаллов (для мужских, кроме этого, наличие оборонительного доспеха) и общее количество инвентаря. Выделение именно этих элементов обусловлено тем, что “всеобщие... признаки... социологической информации практически не несут; частные и единичные значительно более социоинформативны” (Ольховский В.С., 1995, с.96).

⁶ По мнению Е.В.Круглова (из письма автору от 15.07.2010), впускные с досыпкой погребения для половцев были “основными”. Мы полагаем, что номады четко отличали древние могильные насыпи от естественных всхолмлений. Поэтому между впуском погребения в курган и сооружением могилы в земле, на наш взгляд, нельзя ставить знак равенства. Просто в определенных случаях, по каким-то конкретным причинам, известным устроителям обряда, над погребением, впущенным в древний могильный холм, необходимо было соорудить “свою” насыпь. Другое дело, что таких захоронений реально должно быть больше, чем зафиксировано археологами. В этом мы полностью согласны с Е.В.Кругловым.

комплексах обнаружено по 1 наконечнику стрелы, в 1 погребении – боевой нож. Объем котлов следующий: маленьких (до 3 л) нет, средних (3-9 л) – 5, больших (11-19 л) – 5, очень больших (> 20 л) – 1, по двум данным нет.

Имущественные разряды: с обычным инвентарем – 3 (23%), среднего уровня – 7 (54%), богатых – 2 (15%), очень богатых – 1 (8%).

Датировка погребений: XII в. – 1; XII-XIII вв. – 5; 1-я пол.XIII в. – 1; XIII в. – 3; 2-я пол.XIII – нач.XIV в. – 1; 2-я пол.XIII – XIV в. – 2.

Погребений с **распрявленной гривной** намного меньше, чем комплексов с котлом или шейной гривной, тем не менее, они покрывают значительную территорию: от Поросья на севере до Нижнего Поднепровья на юге и западе и до Среднего и Нижнего Подонья на востоке (рис.3).

Обобщенные данные погребального обряда женских комплексов с распрявленной гривной следующие. Впускных захоронений – 4 (57%), основных – 3 (43%). Наличие в насыпи ровика, кромлеха, тризны – 2. Форма могильной ямы: простая (без дополнительных конструкций) – 3 (1 из них большая), яма с подбоем и ступенькой – 2, яма с заплечиками – 1, форма не прослежена – 1. Гробовище зафиксировано в 5 случаях (2 решетчатых, 2 – решетчатый настил, 1 – тип не указан). В одном погребении обнаружены куски мела, в 3 комплексах зафиксированы разрушения (ограбление?). В 4 (57%) случаях умерших сопровождал конь: целый – 1; 3 типа – 2; тип не ясен – 1.

В 6 из 7 погребений определена ориентировка: 5 (83%) – в западном секторе, 1 (17%) – в восточном. Анализ сопроводительного инвентаря дал следующие результаты. Всего предметов из драгметаллов (в том числе позолоченных и посеребренных) зафиксировано 16 (229%). Они представляют собой обычные кочевнические украшения: серьги, кольца, “рога”, колты (рогатые и с напускной биконической бусиной). Бытовые предметы также типичны: зеркала, пряслица, ножи, гончарная посуда, пряжки, пуговицы и др. Конская упряжь представлена стремянами, удилами, седлом, подпружными пряжками. Из необычных для женских половецких погребений предметов следует отметить топор, аналогичный славянским рабочим топорам домонгольской Руси (Шалобудов В.Н., 1990, с.110-111).

Гривны из женских захоронений в основном серебряные (5 экз.), две – из бронзы (одна из них посеребрена). Только в одном комплексе гривна представлена маленьким обломком (8 см), в 5 – от 25 до 32,5 см (т.е. больше половины целой шейной гривны), в 1 – практически целая – 36 см. Анализ инвентаря и погребального обряда комплексов позволил разделить их условно на 2 разряда: с обычным инвентарем – 2 (28%), среднего уровня – 5 (72%).

Датируются эти погребения в основном в рамках XII-XIII вв.: XII в. – 1; XII – 1-я пол.XIII в. – 1; XII-XIII вв. – 2; XIII в. – 2; 2-я пол.XIII – 1-я пол.XIV в. – 1.

Погребения с двумя статусными предметами

Комплексы с двумя статусными предметами расположены на Нижнем Дону и в Прикубанье: это Саркел, нас. 19/1, п.56 и Новониколаевская 55/1 (рис.4). В саркельском погребении обнаружен набор из **шейной и распрявленной гривен**, а в новониколаевском комплексе – набор из **котла и шейной гривны**.

Обобщенная характеристика погребального обряда и сопроводительного инвентаря этих захоронений следующая. Основных погребений – 1, впускных – 1. Наличие конструкций в насыпи (ровик) – 1; форма могильного сооружения: простая (большая) яма – 1, яма со ступенькой – 1. Перекрытие (кирпичная вымостка) зафиксировано в 1 случае. Гробовище (дощатое) обнаружено в 1 комплексе, 1 погребение разрушено. Обоим умершим сопровождал конь: целый – 1, тип не ясен – 1. Ориентировка обоих погребенных зафиксирована в западном секторе.

Изделий из драгметаллов и позолоченных или посеребренных предметов обнаружено 8 (400%). Среди украшений можно отметить электровую и серебряную с позолотой шейные гривны, золотые и серебряные позолоченные серьги – 2, серебряные браслеты – 2, бронзовые позолоченные “рога” – 1, подвески из лазурита – 1. К бытовым предметам относятся котел, зеркало, нож (2), керамическое пряслице. Предметы конской упряжи представлены удилами и стремянем. Объем котла – средний (5 л). Размер распрявленной гривны – 31 см, т.е. больше 1/2 шейной гривны.

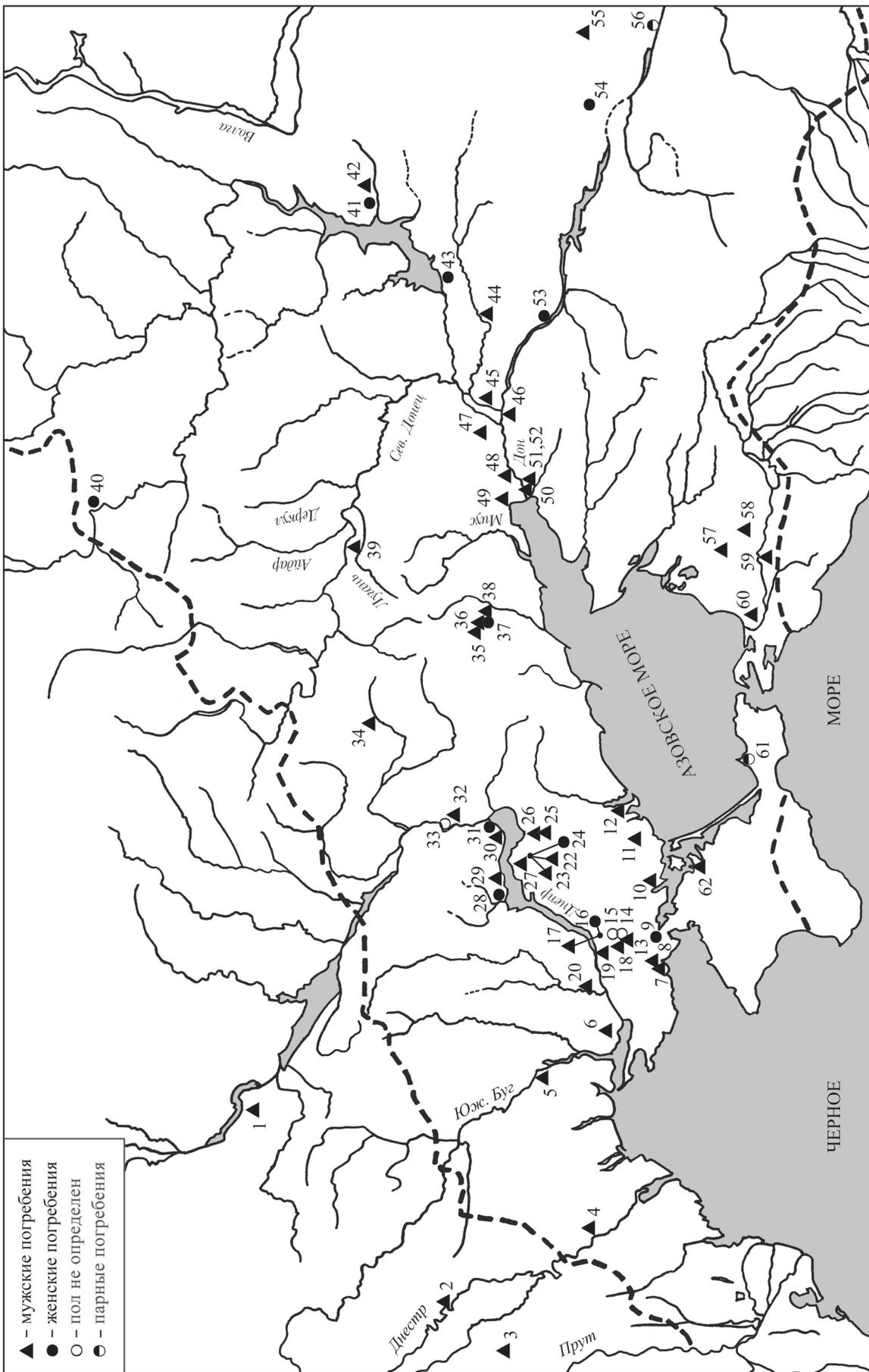

Рис. 2. Погребения с котлом: 1 – Бурты, к.261; 2 – Каменка, к.443; 3 – Фалешты; 4 – Сукляя 48.136 99/314; 5 – Ковалевка-IV, 4/1; 6 – Красный Подол-II, 1/4; 7 – Морская Кошара 4/3; 8 – Озерное 1/1; 9 – Мирное 2/4; 10 – Благовещенка; 11 – Велетневка 1/7; 12 – Родионовка 2/1; 13 – Черная Долина 1/1; 14 – Богдановка 1/1; 15 – Зеленый Лагерь-IV, 3/1; 16 – Софиевка 23/17; 17 – Софиевка 13/1; 18 – Новокаменка 1/3; 19 – Любимовка 8/1; 20 – Лиманцы 1/1; 21 – Чеховка 3/4; 22 – Б.Белозерка 36/1; 24 – Б.Белозерка 28/5; 25 – Тимашовка-III, 9/5; 26 – Видножино 7/3; 27 – Ильинка 5/1; 28 – Кут 26/2; 29 – Лаурка 6/2; 30 – В.Тарасовка 82/1; 31 – Разумовка-III, 4/3; 32 – Новогупаловка-III, 8/3; 33 – Ясиноватое-I, 1/1; 34 – “Веселая могила”/2; 35 – Курахово 1/1; 36 – Волноваха 4/1; 37 – Полковое 3/3; 38 – Рыбинское 9/1; 39 – Пришиб 3/2; 40 – Новый Буравль; 41 – Аксеновский (Дорофеевский)-II, 1/5; 42 – Жutowский м-к, 89/1; 43 – Вербовый Лог-VIII, 1/1; 44 – Новый 61/2; 45 – Ажинов-I, 1/3; 46 – Арпачин 37/1; 47 – Крутенький-I, 2/3 п.17; 48 – Кобяковский 15/13; 49 – Хавалы-IV, 2/1; 50 – Азов-I, 6/1; 51 – Высочино-II, 11/1; 52 – Высочино-V, 10/1; 53 – Куцый-XII, 5/1; 54 – Лола 13/3; 55 – Цаган-Усн-V, 1/3; 56 – Вост.Маныч-II, 38/2; 57 – Малаи 3/1; 58 – к-з Ленина 2/7; 59 – Праздничный; 60 – Курчанская; 61 – Ак-Таш 63/2; 62 – Столбовое 1/3.

Fig. 2. Burials with a cauldron: 1 – Burty, barrow 261; 2 – Kamenka, barrow 443; 3 – Faleshty; 4 – Sukleia 48.136 99/314; 5 – Kovaliovka-IV, 4/1; 6 – Krasnyi Podol-II, 1/4; 7 – Morskaiia Koshara 4/3; 8 – Ozernoie 1/1; 9 – Mirnoie 2/4; 10 – Blagoveshchenka; 11 – Veletniiovka 1/7; 12 – Rodionovka 2/1; 13 – Chiornaia Dolina 1/1; 14 – Bogdanovka 1/1; 15 – Zelenyi Lager-IV, 3/1; 16 – Sofievka 23/17; 17 – Sofievka 13/1; 18 – Novokamenka 1/3; 19 – Liubimovka 8/1; 20 – Limantsy 1/1; 21 – Chekhovka 3/4; 22 – B.Beloziorka 36/1; 24 – B.Beloziorka 28/5; 25 – Timashovka-III, 9/5; 26 – Vidnozhino 7/3; 27 – Ilyinka 5/1; 28 – Kut 26/2; 29 – Laurka 6/2; 30 – V.Tarasovka 82/1; 31 – Razumovka-III, 4/3; 32 – Novogupalovka-III, 8/3; 33 – Yasinovatoie-I, 1/1; 34 – “Vesiolaia mogila”/2; 35 – Kurakhovo 1/1; 36 – Volnovakha 4/1; 37 – Polkovoie 3/3; 38 – Rybinskoie 9/1; 39 – Prishib 3/2; 40 – Novyi Buravl; 41 – Aksionovskii (Dorofeievskii)-II, 1/5; 42 – Zhutovskii burial ground, 89/1; 43 – Verbovyi Log-VIII, 1/1; 44 – Novyi 61/2; 45 – Azhinov-I, 1/3; 46 – Arpachin 37/1; 47 – Krutenkii-I, 2/3 burial 17; 48 – Kobiakovskii 15/13; 49 – Khavaly-IV, 2/1; 50 – Azov-I, 6/1; 51 – Vysochino-II, 11/1; 52 – Vysochino-V, 10/1; 53 – Kutsyi-XII, 5/1; 54 – Lola 13/3; 55 – Tsagan-Usn-V, 1/3; 56 – Vost. Manych-II, 38/2; 57 – Malai 3/1; 58 – Lenina collective farm 2/7; 59 – Prazdnichnyi; 60 – Kurchanskaia; 61 – Ak-Tash 63/2; 62 – Stolbovoie 1/3

Оба погребения богатые, оба датируются XIII веком. По саркельскому комплексу есть антропологическое определение: женщина зрелого возраста.

Погребения с тремя статусными предметами

К третьей группе погребений относятся комплексы с **тремя инсигниями** статуса. Обнаружены они в основном в Северо-Восточном Приазовье, а также в Крыму, на Нижнем Дону и в Прикубанье (рис.4).

Погребальный обряд этих захоронений характеризуется следующими признаками. Впускных погребений – 4, основных – 2. Ров и остатки тризны (кости животных), а также

заклад (каменный) могильной ямы зафиксированы в 1 случае. Форма погребального сооружения: яма с подбоем и ступенькой – 2, яма с заплечиками – 1, простая яма (3x2 м) – 1, конструкция не зафиксирована (в насыпи) – 2. Гробовище отмечено в 5 случаях (деревянный настил – 2, дощатое – 1, тип не указан – 2). Единичны деревянное перекрытие, цинковка и меловая посыпка. Конь зафиксирован в 3 погребениях: целый – 2; 3 типа – 1. Ориентировка умерших следующая: в западном секторе – 3 (60%), в восточном – 2 (40%), в одном разрушенном погребении ориентировка не определена.

Сопроводительный инвентарь данной группы погребений отличается очень большим количеством изделий из драгметаллов (28-467%) и общим разнообразием. Среди

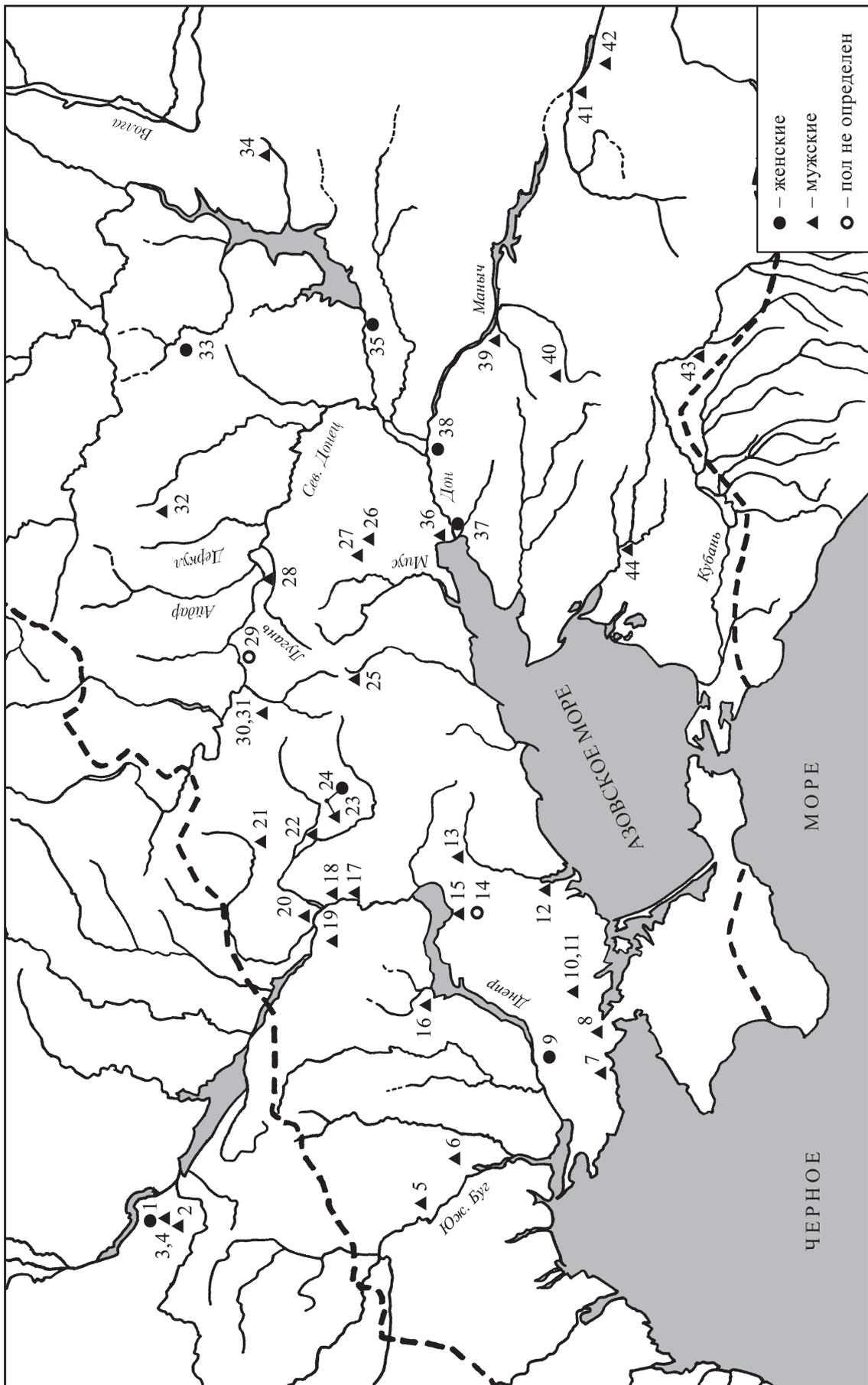

Рис. 3. Погребения с распрямленной гривной: 1 – Бурты, к.258; 2 – Пешки, к.323; 3 – Лучки, к.2; 4 – Лучки, к.4; 5 – Таборовка-III, 1/5; 6 – Новошмидтовка “Ананьина могила”/9; 7 – Шевченко 3/1; 8 – Каирка 3/2; 9 – Новая Маячка 3/1; 10 – Подовое 4/3; 11 – Подовое 1/2; 12 – Волчанск-I, 5/1; 13 – Чингул (Заможное 5/3); 14 – Мал.Белозерка-II, 6/8; 15 – Балки 5/16; 16 – Марьянское-IV, 4/1; 17 – Сухая Калина 1/1; 18 – Осокоровая балка-I, 1/1; 19 – Николаевка-I, 4/5; 20 – Подгородное-X, 12/1; 21 – Жемчужное-I, 5/3; 22 – Павлоград-I, 7/1; 23 – Петропавловка-IV, 2/2; 24 – Петропавловка-V, 1/2; 25 – ст.Юзово (Пески) к.С; 26 – Бирюково 3/1; 27 – Любимое 15/1; 28 – Смелое 1/2; 29 – Каменка 12/2; 30 – Октябрьское 3/4; 31 – Октябрьское 8/8; 32 – Редкодуб-I, 3/1; 33 – Кутейниковский-II, 4/1; 34 – Аксай-III, 5/2; 35 – “Дубенцовский”-I, 2/2; 36 – Валовый-I, 32/1; 37 – Высочино-VII, 22/1; 38 – Колдыри 7/1; 39 – Маяк-II, 3/1; 40 – Баранчук-II, 2/1; 41 – “Дамба-Калаус”-II, 3/2; 42 – Волга – Чограй-42, 1/1; 43 – Новокубанск 1/5; 44 – к-з “Победа” 66/1.

Fig. 3. Burials with an unbent grivna: 1 – Burty, barrow 258; 2 – Peshki, barrow 323; 3 – Luchki, barrow 2; 4 – Luchki, barrow 4; 5 – Taborovka-III, 1/5; 6 – Novoshmidtovka “Ananina mogila”/9; 7 – Shevchenko 3/1; 8 – Kairka 3/2; 9 – Novaia Maiachka 3/1; 10 – Podovoie 4/3; 11 – Podovoie 1/2; 12 – Volchansk-I, 5/1; 13 – Chingul (Zamozhnoie 5/3); 14 – Mal.Belozioraka-II, 6/8; 15 – Balki 5/16; 16 – Marianskoie-IV, 4/1; 17 – Sukhaia Kalina 1/1; 18 – Osokorovaia balka-I, 1/1; 19 – Nikolaievka-I, 4/5; 20 – Podgorodnoie-X, 12/1; 21 – Zhemchuzhnoie-I, 5/3; 22 – Pavlograd-I, 7/1; 23 – Petropavlovka-IV, 2/2; 24 – Petropavlovka-V, 1/2; 25 – Yuzovo station (Peski) barrow C; 26 – Biryukovo 3/1; 27 – Lubimoie 15/1; 28 – Smeloie 1/2; 29 – Kamenka 12/2; 30 – Oktiabrskoie 3/4; 31 – Oktiabrskoie 8/8; 32 – Redkodub-I, 3/1; 33 – Kuteinikovskii-II, 4/1; 34 – Aksai-III, 5/2; 35 – “Dubentsovskii”-I, 2/2; 36 – Valovyi-I, 32/1; 37 – Vysochino-VII, 22/1; 38 – Koldyri 7/1; 39 – Maiak-II, 3/1; 40 – Baranchuk-II, 2/1; 41 – “Damba-Kalaus”-II, 3/2; 42 – Volga – Chograi-42, 1/1; 43 – Novokubansk 1/5; 44 – “Pobeda” collective farm 66/1

редких для женских комплексов находок следует отметить 2 наконечника стрел (в засыпи) и уникальную находку шляпы⁷ (Белов М.А., 2009, с.15). Котлы во всех погребениях медные, в двух внутри найдены кости овцы (барана). Объем котлов средний (6-7 л) и большой (14 л). Во всех 6 комплексах, помимо распрямленной гривны, присутствует шейная гривна. Металл шейных гривен следующий: серебряных – 3, серебряных позолоченных – 2, золотых – 1. Все распрямленные гривны серебряные (1 позолоченная), маленьких фрагментов среди них нет. Только в 1 комплексе обнаружена 1/2 гривны, в 2 – большая часть изделия, а в 3 – целые гривны. Имущественный статус женщин из третьей группы достаточно высок: одно погребение (Новоивановка) мы отнесли к очень богатым, 3 (50%) – богатые, 1 (16,7%) – среднего уровня и одно – с обычным инвентарем.

Датируются захоронения этой группы так: XII-XIII вв. – 2; XIII в. – 2; 2-я пол.XIII в. – 1; 2-я пол.XIII – 1-я пол.XIV в. – 1.

Погребальный обряд и сопроводительный инвентарь мужских погребений

Мужских погребений со статусными предметами в нашей выборке почти в 2 раза больше, чем женских, – 103. По тому же принципу, что и женские, они разделены на две группы: с одним статусным предметом (котлом или распрямленной гривной) и двумя (их набор). Как и в женских комплексах, наиболее многочисленна первая группа (с котлом – 49 захоронений, с распрямленной гривной – 37). В 17 погребениях второй группы присутствуют и котел, и распрямленная гривна.

Погребения с одним статусным предметом

Картографирование погребений с котлами дало следующую картину. Комплексы обнаружены практически на всей территории Северного Причерноморья, т.е. от междуре-

⁷ Автор публикации называет ее боккой, но, судя по сохранившимся остаткам, это не бокка, а именно половецкая шляпа.

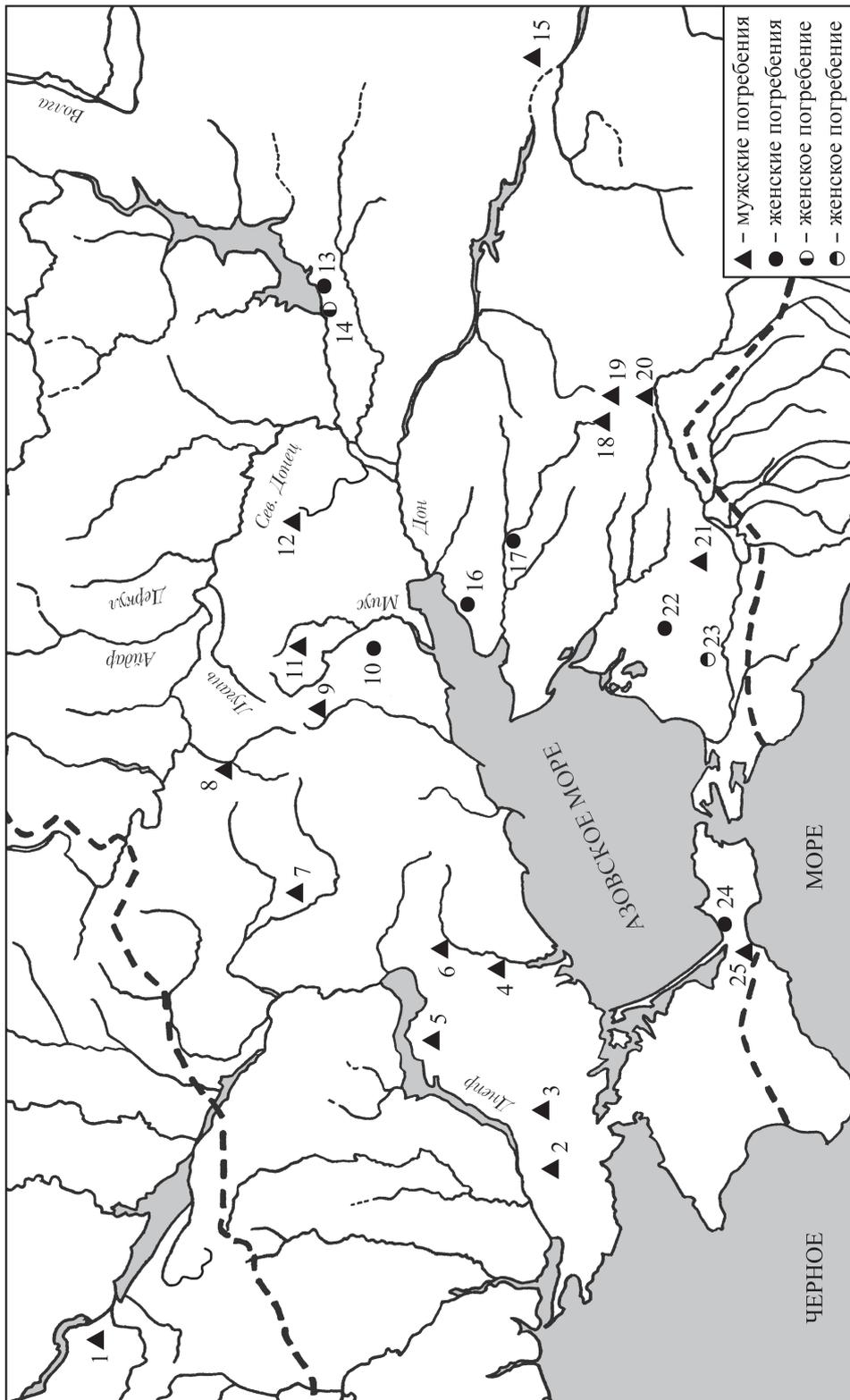

Рис. 4. Погребения с распрямленной гривной и котлом (1-9, 11, 12, 15, 18-21, 25), с распрямленной, шейной гривнами и котлом (10, 13, 16, 17, 22, 24), с распрямленной и шейной гривнами (14), с шейной гривной и котлом (23): 1 – Таганча; 2 – 13 км Чаплинского водоканала 3/1; 3 – Скворцовка 1/1; 4 – Новониколаевка 6/1; 5 – Ильинка 2/4; 6 – Виноградное 30/3; 7 – Дубовики-I, 1/3; 8 – Александровка-II, 2/1; 9 – Макеевка (р.Грузская); 10 – Новоивановка; 11 – Никифорово 1/1; 12 – Провалье 6/1; 13 – Вербовый Лог-IV, 7/1; 14 – Саркел нас.19/1, п.56; 15 – Лола-II, 8/3; 16 – Нижняя Козинка; 17 – Кисляковская-XIII, 2/2; 18 – Южный 2/1; 19 – Дмитриевская-I, 1/2; 20 – “229 га” 2/1; 21 – “Овальный”/13; 22 – Малаи 5/2; 23 – Новониколаевская 55/1; 24 – Ильичево 3/3; 25 – Владиславовка 7/1.

Fig. 4. Burials with an unbent grivna and a cauldron (1-9, 11, 12, 15, 18-21, 25), with unbent, neck grivnas and a cauldron (10, 13, 16, 17, 22, 24), with the unbent and neck grivnas (14), with a neck grivna and a cauldron (23): 1 – *Tagancha*; 2 – 13 km of the *Chaplinskii water canal* 3/1; 3 – *Skvortsovka* 1/1; 4 – *Novonikolaievka* 6/1; 5 – *Ilyinka* 2/4; 6 – *Vinogradnoie* 30/3; 7 – *Duboviki-I*, 1/3; 8 – *Aleksandrovka-II*, 2/1; 9 – *Makeievka (Gruzskaiia river)*; 10 – *Novoivanovka*; 11 – *Nikiforovo* 1/1; 12 – *Provalie* 6/1; 13 – *Verbovyi Log-IV*, 7/1; 14 – *Sarkel mound* 19/1, burial 56; 15 – *Lola-II*, 8/3; 16 – *Nizhniaia Kozinka*; 17 – *Kisliakovskaia-XIII*, 2/2; 18 – *Yuzhnyi* 2/1; 19 – *Dmitriyevskaia-I*, 1/2; 20 – “229 hectares” 2/1; 21 – “Ovalnyi”/13; 22 – *Malai* 5/2; 23 – *Novonikolaievskaiia* 55/1; 24 – *Ilyichiovo* 3/3; 25 – *Vladislavovka* 7/1

чья Днестра и Прута на западе до Калмыцкой степи и Нижнего Подонья на востоке и от Поросья на севере до Крыма и Закубанья на юге. Концентрации памятников наблюдаются в Нижнем Поднепровье и Нижнем Подонье (рис. 2).

Основные данные, характеризующие погребальный обряд и сопроводительный инвентарь этих захоронений, следующие. Всего погребений 49, из них основных – 12 (35%), впускных – 32 (65%), из них 3 с досыпкой, нет данных – 5. Конструкции в насыпи (ров, кромлех, досыпка) и тризна зафиксированы в 13 случаях (26,5%). Форма могильной ямы прослежена в 34 комплексах: простая – 14 (из них 4 большие), яма (или подбой) со ступенькой – 16, яма с заплечиками – 4. Каменное/деревянное перекрытие ямы или подбоя отмечено в 10 (20%) погребениях. Большинство (28 – 57%) умерших похоронено в гробовищах: решетчатое – 9, колода – 4, дощатое – 4, настил – 2, тип не ясен – 9. Подстилка зафиксирована в 8 комплексах, мел – в 4, угли – в 3. Разрушения отмечены в 29 (59%) случаях. Половину (25 – 51%) погребенных сопровождал конь: целый – 10; 3 типа – 7; 1 типа – 1; тип не ясен – 7. Ориентировка умерших известна в 32 (65%) случаях: в западном секторе – 17 (53%), в восточном – 15 (47%). Условно (из-за невыразительности инвентаря) к мужским отнесено 3 комплекса.

Умерших сопровождал многочисленный разнообразный инвентарь. Всего предметов из драгметаллов обнаружено 31 (63%). Оружие представлено как наступательное: сабля – 28 (56%), колчан и стрелы – 35 (71%), лук – 13 (26,5%), кинжал – 7 (14%), копье (пика) – 9 (18%), так и оборонительное: кольчуга – 21 (43%), шлем – 10 (20%). Среди украшений можно назвать серьги – 10, подвески – 2, браслеты – 1, кольца (перстни) – 6, колокольчики – 7, бляхи и т.д. К бытовым предметам относятся сосуды: гончарные (в основном амфоры) – 12 (24%), деревянные – 3, металлические – 3; нож – 15 (31%), кресало – 11 (22%), оселок – 7, костяные пуговицы – 11 (22%) и др. Среди предметов конской упряжи следует отметить стремяна – 32 (65%), удила – 23 (47%), седло – 5 (10%), шпоры – 2, наверхие плети – 3. Шелковая/парчовая одежда (ткань) встречена в 5 (10%) погребениях. Единичные находки: булава, деревянный жезл, молоток, топор, замок, деревянный гребень, стеклянный сосуд. Два погребения, кроме котла, не имели инвентаря (полностью ограблены).

Объем котлов следующий: маленькие (до 3 л) – 4, средние (5-9 л) – 9 (27%), большие (11-19 л) – 17 (52%), очень большие (> 20 л) – 3 (9%). В 4 погребениях котлы были перевернуты, только ручка от котла зафиксирована в 4 комплексах. В 4 случаях, кроме котла, обнаружен крюк для его подвешивания, в 2 котлах

находились деревянные миски. Из 49 котлов 2 железные, остальные – медные.

Имущественные разряды погребенных следующие: с обычным инвентарем – 14 (29%), среднего уровня – 33 (67%), богатых – 2 (4%).

Датировка захоронений: XII в. – 2, XII – 1-я пол. XIII в. – 12, XII – нач. XIV в. – 1, XII – 1-я пол. XIV в. – 1, XII-XIV вв. – 1, нач. XIII в. – 1, 1-я пол. XIII в. – 1, сер. XIII в. – 1, 2-я пол. XIII в. – 2, посл. треть XIII в. – 1, XIII в. – 5, сер. XIII – 1/3 XIV в. – 1, 2-я пол. XIII – нач. XIV в. – 4, 2-я пол. XIII – 1-я пол. XIV в. – 3, 2-я пол. XIII – XIV в. – 10, 2-я пол. XIV в. – 1, XIV в. – 2.

Картографирование погребений с **распрямленной гривной** (рис.3) продемонстрировало, что они в основном сосредоточены на территории лукоморских, приднепровских, донских и нижнедонских половцев (Плетнева С.А., 1990, с.149). Есть отдельные комплексы в Поросье, в бассейне Южного Буга, на землях предкавказских половцев и в Калмыцкой степи.

Погребальный обряд данных комплексов (их всего 37) характеризуется следующими признаками. Впускных захоронений – 30 (81%), из них 3 с досыпкой, основных – 7 (19%). Ровик, кромlech, тризна или досыпка насыпи зафиксированы в 12 случаях (32%). Форма погребального сооружения: простая яма – 9 (из них 3 большие), яма с подбоем и ступенькой – 13, яма со ступенькой – 10, яма с заплечиками – 1, форма не прослежена – 4. В 17 захоронениях отмечено каменное или деревянное перекрытие могилы (или подбоя). Довольно часто встречалось гробовище – 30 (81%): решетчатое – 13, колода – 9, настил – 3, гроб-сундук – 1, тип не определен – 4. Комок мела обнаружен в 3 погребениях, подстилка – в 4. Разрушения зафиксированы в 18 (49%) комплексах. Значительное количество умерших (33 – 89%) сопровождалось конем: 5 целых – 1; 2 целых – 1; 1 целый – 11; 3 типа – 9; 2 типа – 1; тип не определен – 10. В 7 захоронениях находились кости овцы (барана) – остатки напутственной пищи.

В 35 из 37 комплексов определена ориентировка: 20 (57%) – в западном секторе, 15 (43%) – в восточном. Условно к мужским отнесено 2 погребения. Проанализировав состав сопроводительного инвентаря, мы получили интересные данные. Всего предметов из

драгметаллов обнаружено 62 (168%). Вооружение представлено как наступательное, так и оборонительное: сабля – 32 (86%), колчан и стрелы – 25 (68%), лук – 13 (35%), копьё – 3 (8%), кольчуга – 9 (24%), шлем – 6 (16%), щит – 3 (8%), единичны находки кинжала и молотка. Набор бытовых предметов довольно разнообразен: железные и бронзовые пряжки – 24, нож – 20, бронзовые пуговицы (бубенчики) – 13, костяные пуговицы – 11, шелк (парча) или изделия из них – 9, гончарная и лепная керамика – 7, оселок – 4, кресало – 3, деревянный сосуд – 2, единичные находки – зеркало, замок, ключ. Конская упряжь представлена стремениами – 31 (84%), удилами – 25 (68%), седлом – 12 (32%), навершием плети – 5 (14%) и шпорами.

Представляет определенный интерес информация о том, из какого металла изготовлены гривны. Подавляющее большинство серебряных – 24 (67%), золотых – 3, бронзовых – 2, железных посеребренных – 5, серебряных позолоченных – 1, железных позолоченных – 1, железных – 1. Размеры обнаруженных гривен достаточно сильно варьируют: очень маленькие фрагменты (от 3,5 до 8,5 см) – 6 (18,2%), меньше половины (от 10 до 18 см) – 10 (30,3%), больше половины (от 20 до 31,5 см) – 12 (36,4%), практически целые и целые (35-45 см) – 5 (15,1%). Имущественные разряды: с обычным инвентарем – 13 (35%) комплексов, среднего уровня – 23 (62%), богатых нет, очень богатый – один (3%) комплекс.

К половецкому времени (в рамках XII – 1-й пол. XIII в.) относится 18 погребений: XII – 1-я пол. XIII в. – 12; кон. XII – 1-я пол. XIII в. – 1; 1-я пол. XIII в. – 5. Золотоордынским временем датируются 15 захоронений: сер. XIII в. – 1; 2-я пол. XIII в. – 1; 2-я пол. XIII – XIV в. – 12; кон. XIII – нач. XIV в. – 1. Широко датируются 4 комплекса: XII – нач. XIV в. – 1; XII – 1-я пол. XIV в. – 1; XII-XIV вв. – 2.

Погребения с двумя статусными предметами

Картографирование комплексов второй группы (рис. 4), в которую входят захоронения с двумя статусными предметами (**распрямленной гривной и котлом**), демонстрирует,

что погребения тяготеют к Азовскому морю. К западу от Днепра их нет, в Поросье зафиксирован только 1 комплекс. Основная группа захоронений находится в пределах Северного Приазовья и Прикубанья на землях лукоморских, приднепровских, частично донских и предкавказских половцев. Единичные погребения отмечены в Крыму, Калмыцкой степи и Нижнем Подонье.

Характеристика погребального обряда мужских комплексов (всего 17) второй группы включает следующие признаки. Впускных погребений – 12 (75%), из них 2 с досыпкой, основных – 4. По одному комплексу данных нет. Ров, тризна, досыпка, каменные конструкции в насыпи отмечены в 10 (59%) случаях. Формы могильной ямы зафиксированы следующие: яма с подбоем и ступенькой – 6, яма со ступенькой – 2, яма с заплечиками – 3, простая яма – 3 (все большого размера), форма не фиксировалась (в насыпи) – 3. Деревянное перекрытие отмечено в 4 погребениях, забутовка камнями – в 3. В подавляющем большинстве (14 – 82%) комплексов обнаружено гробовище: решетчатое – 5, колода – 3, дощатое – 2, гроб-сундук – 2, тип не указан – 2. Подстилка (рогожа, войлок и др.), меловая посыпка, обожженность, угли, колеса зафиксированы в 7 погребениях. Разрушение/ограбление отмечено в 5 (29%) случаях. Конь сопровождал умершего в 12 (71%) комплексах: 2 целых коня – 2; 1 целый конь – 2; 3 типа – 5; 2 типа – 2; тип не ясен – 1. Ориентировка погребенных определена в 16 захоронениях: в западном секторе – 11 (69%), в восточном – 5 (31%).

Сопроводительный инвентарь мужских комплексов второй группы включает предметы наступательного и оборонительного вооружения, бытовые изделия, украшения, конскую упряжь, амулеты и др. Общее количество изделий из драгметаллов (в том числе позолоченных и посеребренных) – 33 (194%). Предметы вооружения достаточно разнообразны: сабля – 15 (88%), колчан и стрелы – 14 (82%), кольчуга – 12 (71%), шлем – 5 (29%), лук – 5 (29%), ножи – 2, единичные находки наручей, кинжала, копья, булавы, кистеня. Бытовой инвентарь обычный: пуговицы (серебряные, бронзовые, костяные), пряжки (бронзовые и железные), ножи, деревянная, гончарная и металлическая (бронзовая и серебряная) посуда, ключи, за-

мки, кресала, шило, оселок и т.п. Обычен набор и конской упряжи: удила – 12 (71%), стремяна – 12 (71%), седло – 6 (35%), шпоры – 2, подпружные пряжки и украшения узды. Следует отметить достаточно большое количество погребений, в которых сохранились шелк/парча или изделия из них (кафтан, пояс) – 7 (41%). Среди индивидуальных находок можно назвать бронзовую урну, аграф, волчий клык, серебряную копоушку, кожаный головной убор, украшенный позолоченной фольгой.

Все котлы из погребений данной группы медные. Внутри 5 из них найдены остатки напутственной пищи (кости овцы/барана), в 4 – деревянная чаша или черпак. В комплексе Скворцовка 1/1 для котла была вырублена специальная ниша, а в захоронении Владиславовка 7/1 котел был перевернут и под ним, кроме остатков напутственной пищи, лежали украшения конской сбруи. Маленьких котлов нет, средних (3-8 л) – 5 (33,3%), больших (10-20 л) – 8 (53,3%), очень больших (> 20 л) – 2 (13,3%).

Подавляющее большинство распрямленных гривен изготовлено из серебра (1 с позолотой) – 12 (70%), бронзовых – 3 (1 с позолотой), золотых и железных по одной (6%). Размеры гривен следующие: маленьких фрагментов нет, 6 экз. (40%) представляют собой половину изделия, 5 (33%) – больше половины, 4 – практически целые. Имущественный статус мужчин из второй группы очень высокий: погребений с обычным инвентарем нет, среднего уровня – 12 (71%), богатых – 5 (29%).

Датировка данных комплексов следующая: XII-XIII вв. – 1; XII – 1-я пол. XIII в. – 2; сер. XIII в. – 1; 2-я пол. XIII в. – 1; рубеж XIII-XIV вв. – 1; сер. XIII – нач. XIV в. – 1; кон. XIII – нач. XIV в. – 1; 2-я пол. XIII – нач. XIV в. – 2; 2-я пол. XIII – 1-я пол. XIV в. – 1; 2-я пол. XIII – XIV в. – 5; XIV в. – 1. Таким образом, подавляющее большинство (14 – 82%) погребений относится к золотоордынскому времени.

Прижизненный статус и ранг знатных женщин

При сравнении отдельных характеристик погребального обряда и сопроводительного инвентаря трех указанных групп погребений,

Табл. 1. Сравнительная характеристика (в %) отдельных признаков погребального обряда женских погребений

Характеристика Вид погребения	основное	впускное	насыпь	простая яма	сложная яма	перекрытие	гробовище	подстилка, мел	ограблено	конь	Ориентировка	
											З	В
ПК (13)	25	75	46	15	69	61,5	69	38,5	69	69	77	23
ПШГ (28)	21	79	25	36	36	25	54	25	43	50	48	48
ПРГ (7)	43	57	29	43	43	14	71	29	43	57	83	17
ПШРГ и ПШГК (2)	50	50	50	50	50	50	50	–	50	100	100	–
ПШРГК (6)	33	67	17	17	50	17	83	17	33	50	60	40

прежде всего, необходимо обратить внимание на разное количество комплексов, относящихся к этим группам. Поэтому для адекватного сравнения все количественные показатели переведены в процентные (табл.1, 2). Судя по ним, захоронения с одним статусным предметом находятся приблизительно на одном уровне, хотя по отдельным позициям есть значительные отличия. Так, среди комплексов с распрямленной гривной в 2 раза больше (в %) основных погребений, чем в группе с шейной гривной, и на 16% больше, чем в захоронениях с котлом. По наличию досыпки, рва, тризны, каменных конструкций в насыпи показатель комплексов с котлом (ПК) превышает соответствующие показатели погребений с распрямленной гривной (ПРГ) на 17%, а захоронений с шейной гривной (ПШГ) на 21%. Сложная погребальная конструкция в ПК встречалась чаще, чем в ПРГ, на 26% и, чем в ПШГ, на 33%. Перекрытие могильной ямы в ПРГ зафиксировано только для 14%, в ПШГ же его почти на 37% меньше, чем в ПК. Сопровождение конем в ПК чаще, чем в ПШГ, на 19% и на 12% больше, чем в ПРГ. Показатели шелка, парчи (или изделий из них) в ПК на 10% больше, чем в ПШГ, и более чем в 3 раза превышают показатели ПРГ. Достаточно выразительны цифры

по количеству изделий из драгметаллов: в ПК и в ПРГ они близки, а в ПШГ на 39% больше, чем в ПРГ, и на 45% больше, чем в ПК. Все эти моменты отразились и на имущественных разрядах погребений этой группы. Среди комплексов с распрямленной гривной богатых и очень богатых нет. 18% погребений с шейной гривной отнесены к богатым, 23% захоронений с котлом богатые (15%) и очень богатые (8%).

Таким образом, наши данные показывают, что погребения с одним статусным предметом имеют такую условную иерархию: 1) погребения с котлом, 2) погребения с шейной гривной, 3) захоронения с распрямленной гривной.

Во вторую группу (с 2 статусными предметами) входят всего два комплекса, поэтому цифры характеристик погребального обряда не выразительны. Зато процентный показатель изделий из драгметаллов достаточно яркий – 400%. Оба погребения из этой группы богатые.

Процентные показатели погребального обряда третьей группы (с 3 статусными предметами) комплексов особо не отличаются от соответствующих цифр других групп. В то же время количество изделий из драгметаллов в этих захоронениях самое большое – 467%. По-

Табл. 2. Сравнительная характеристика (в %) отдельных предметов погребального инвентаря и имущественных разрядов женских погребений

Характеристика Вид погребения	Шелк, парча	Др. металлы	Размер распрямленной гривны				Металл шейной и распрямленной гривны				Объем котла			Имущественный разряд					
			фрагмент	<1/2	1/2	>1/2	целя	бронза	серебро	железо	золото	средний	большой	очень большой	обычный	средний	большой	очень большой	
																			фрагмент
ПК (13)	46	223	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	45,5	45,5	9	23	54	15	8
ПШГ (28)	36	268	-	-	-	-	11	71	18	-	-	-	-	-	-	43	39	18	-
ПРГ (7)	14	229	14	-	-	72	14	29	71	-	-	-	-	-	-	28	72	-	-
ПШРГ и ПШГК (2)	-	400	-	-	-	100	-	-	67	-	33	100	-	-	-	-	-	100	-
ПШРГК (6)	-	467	-	-	17	33	50	-	92	-	8	60	40	-	-	16,7	16,7	50	16,7

Табл. 4. Сравнительная характеристика (в %) отдельных предметов погребального инвентаря и имущественных разрядов мужских погребений

Характеристика Вид погребения	Шелк, парча	сабля	доспех	др. металлы	Размер распрямленной гривны				Металл распрямленной гривны				Объем котла				Имущественный разряд				
					фрагмент	<1/2	1/2	>1/2	целя	бронза	серебро	железо	золото	маленький	средний	большой	оч. большой	обычный	средний	большой	очень большой
ПК (49)	10	56	63	63	-	-	-	-	-	-	-	-	12	27	52	9	29	67	4	-	
ПРГ (37)	24	86	48	168	18,2	30,3	-	36,4	15,1	5	68	19	8	-	-	-	35	62	-	3	
ПКРГ (17)	41	88	118	194	-	-	40	33	27	18	70	6	6	-	33,3	53,3	13,3	71	29	-	

ловина погребений третьей группы определена как богатые и 16,7% как очень богатые.

С обнаружением новых захоронений с двумя и тремя статусными предметами эти данные, естественно, будут уточняться и, возможно, погребения второй и третьей групп придется объединить. Следует отметить, что подавляющее большинство погребений датируется в рамках XII-XIII вв., лишь 11% комплексов можно отнести к раннезолотоордынскому времени (2-я пол.XIII – 1-я пол.XIV в.).

Не лишним будет напомнить, что любая социологическая реконструкция, основанная на археологических источниках, носит вероятностный характер, поскольку интересующая нас социоинформация содержится в погребальных памятниках в опосредованном и неполном виде вследствие специфики древнего мировоззрения и недостаточной сохранности источника (Ольховский В.С., 1995, с.95). Как было сказано выше, средневековые номады представляли собой достаточно развитое стратифицированное общество, в котором наблюдалось сближение имущественного и социального статусов индивида. Поэтому для определения социального положения умерших из описанных комплексов мы использовали, прежде всего, оценку сложности погребального обряда и качества вещевого набора. Их анализ показал, что все погребения, без сомнения, принадлежали знати. Однако ранговые уровни умерших были не одинаковы.

Погребения с **котлом** принадлежали взрослым женщинам. Два парных захоронения не равнозначны: если в комплексе Восточный Маныч-II, 38/2 мужчина лежал рядом с женским костяком и имел свой инвентарь (сабля, колчан, красноглиняный кувшин), то в погребении Ак-Таш 63/2 скелет мужчины обнаружен лежащим ничком, сползшим со ступеньки. Инвентаря при нем не было. Котел считается символом родового объединения (Швецов М.Л., 1980, с.200, 201; Плетнева С.А., 2003, с.163). Таким образом, женщины, погребенные с котлом, по-видимому, какое-то время перед смертью возглавляли социальную ячейку (кош, род), или являлись женами (вдовами) глав родовых объединений.

Захоронения с **шейными гривнами** самые многочисленные. Анализ погребального обряда

и сопроводительного инвентаря захороненных свидетельствует о том, что шейная гривна является социальным символом, маркируя высокий статус умерших. Этот тезис иллюстрирует погребение ребенка 3-4 лет (Царский 42/1) с двумя серебряными позолоченными гривнами. Детали погребального обряда (основное захоронение в кургане, наличие каменного кольца вокруг насыпи, рва с остатками тризны) подтверждают, что в могиле похоронен ребенок из знатной семьи. Прижизненный статус женщин с шейными гривнами был, по-видимому, не ниже, чем женщин, погребенных с котлами. Скорее всего, это были жены, матери, дочери, сестры старейшин, глав родов или племен.

Ранговый уровень женщин с **распрявленной гривной**, судя по всему, был несколько ниже, чем женщин, в инвентаре которых присутствовал котел или шейная гривна. Поскольку распрявление гривны, как известно, происходило во время погребального обряда (Гриб В.К., 1986, с.55; Евглевский А.В., 1998, с.147), возникает вопрос: почему только в одном случае из четырех шейная гривна подвергалась данной процедуре? По-видимому, это как-то связано с социальным положением этих лиц. С.А.Плетнева неоднократно развивала и пыталась доказать тезис о существовании у половцев института “амазонства”. Созданный ею современный миф о половецких женщинах-воительницах не подтверждается ни письменными, ни археологическими источниками (Потемкина Т.М., 2010а, с.51-57). Базовым аргументом С.А.Плетневой является утверждение, что Анна Комнина якобы упоминает об участии половецких женщин в боях. Исследовательница ссылается на издание труда 1859 г в переводе В.Н.Карпова. На это же издание ссылается и Г.А.Федоров-Давыдов, описывая категории предметов, встречающихся почти только в мужских погребениях: “Это, между прочим, противоречит сообщению Анны Комниной о том, что у кочевников женщины участвуют в бою наравне с мужчинами («Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина...», стр. 342). Возможно, Анне Комниной хотелось в южнорусской степи найти амазонок” (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.116, ссылка 532). Два крупнейших отечественных кочевниковеда, сославшись на произведение византийской принцессы, по-

чему-то не процитировали столь важное для половецкой истории сообщение. Чтобы прояснить этот вопрос, приводим цитату полностью из этого труднодоступного⁸ издания: “Но еще до заключения мирных условий является к нему перебежчик Неанц. По этому случаю посылается Мигидин, с поручением привести из окрестных сел народные сходки. Сын его в последнем сражении на месте, быстро погнался за Пачинаками, был увлечен одной Скифянкой и, втащенный железным крюком в середину повозки, взят в плен. По просьбе его отца, царь выкупил отрубленную его голову” (Византийские историки..., 1859, с.342). В “Алексиаде” 1965 г (перевод Я.Н.Любарского) этот фрагмент звучит так: “Еще до заключения мирного договора к Алексию явился перебежчик Неанц. Затем император послал Мигидина за продовольствием, которое тот должен был доставить из соседних областей. Позднее в битве около... сын этого Мигидина стремительно набросился на печенегов, но был пойман и схвачен скифянкой, и железным серпом его заташили к скифским повозкам. По просьбе Мигидина император выкупил отрубленную голову его сына” (Комнина Анна, 1965, с.216). Как видим, единственное замечание, как-то связанное с участием женщины в военных действиях, относится к печенегам, о половецанках Анна Комнина не писала. Да и упомянутый эпизод, если подходить объективно, “участием в бою женщины” никак не назовешь. Показательно упоминание в этом “сражении” не оружия, а крюка (серпа)! Поэтому ироничное замечание Г.А.Федорова-Давыдова о том, что Анне Комниной хотелось найти амазонок, нам представляется необоснованным и неуместным.

Таким образом, письменные источники не дают оснований для утверждения, что у половцев существовал институт “амазонства”. Женщины с мужским архетипом, для которого характерны активность, стремление к лидерству, агрессивность, воинственность и т.п., существовали во все времена как у оседлых, так и кочевых народов. В той же “Алексиаде” Анна Комнина упоминает о Сигельгаите (Гаите), жене Роберта (бывший предводитель норманнов, герцог Апулии, Калабрии и Сици-

лии, постоянно воевал с Византией), которая сопровождала его в военном походе. Во время битвы она, заметив бегущих от врага воинов, попыталась их остановить. “Она сурово взглянула на них и оглушительным голосом ... произнесла: «Будьте мужами, друзья, и высьетесь доблестным духом». Видя, что они продолжают бежать, Гаита с длинным копьём в руке во весь опор устремилась на беглецов. Увидев это, они пришли в себя и вернулись в бой” (Комнина Анна, 1965, с.151). Обратим внимание, что и в этом эпизоде женщина не принимала непосредственного участия в сражении.

Следующий аргумент, который приводит С.А.Плетнева для обоснования института “амазонства” у половцев, базируется на русской былине о Добрыне Никитиче и Настасье Никуличне (Микуличне). По мнению С.А.Плетневой, в былине идет речь не о славянской девушке Настасье, а о половецкой “полянице-богатырше” (Плетнева С.А., 1983, с.11). Аргументы исследовательница приводит следующие: 1) в XI в. (когда складывалась былина) славянские женщины находились на “чудовищно тяжелом” (Плетнева С.А., 1990, с.68) положении и никак не могли быть “поляницами”; 2) Добрыня был сдернут с седла, т.е. использован “типичный прием кочевников” (Плетнева С.А., 1990, с.68); 3) после этого Добрыня был посажен Настасьей в кожаный мешок, а это – “несомненно, кочевнический образ” (Плетнева С.А., 1990, с.68); 4) крещение девушки-поляницы перед свадьбой с Добрыней.

На наш взгляд, приведенные аргументы не убедительны. Во-первых, имя героини былины. С.А.Плетнева пишет: “следует помнить, что имя половцев уже давно стерлось из памяти народной, женские тюркские имена не были распространены на Руси и не попали в эпос” (Плетнева С.А., 1990, с.68). Странно, почему-то мужские половецкие имена, хотя и в искаженном виде, но попали в эпос: Коньшик, Коньчак (Кончак), Скурлак (Сугра), Буняка Шелудивый (Буняк), Тугарин Змеевич (Тугоркан), Кудреванко-царь, Шарк-великан (Шарукан) и др. А ведь они также не были распространены на Руси. Объяснение простое:

⁸ Пользуясь случаем, искренне благодарю Ю.А.Кулешова за помощь в поиске книги.

Добрыня Никитич (дядя Владимира Свято-славича) жил во 2-й пол X в. Если же былина формировалась в XI в., половчанка никак не могла стать ее героиней, поскольку половцы впервые подкочевали к границам Руси только в 1055 г. А уже в 1060 г они совершили первый набег на русские земли и надолго стали заклятыми врагами русичей, что отражено и в фольклоре.

Во-вторых, непонятно, почему славянки X-XI вв. не могли быть “поляницами”⁹. Во многих былинах при описании пира у князя Владимира среди гостей постоянно упоминаются богатырши – “поляницы, девицы приудалые”. Если б они не были славянками, то вряд ли бы они упоминались таким образом. В большинстве вариантов этой былины Настасья Микулична – дочь богатыря-крестьянина Микулы Селяниновича, а не кочевника-половца Тугарина Змеевича или, скажем, Буняки Шелудивого. А в варианте былины, рассматриваемом С.А.Плетневой, Настасья Никулична – не крестьянка или, скажем, купеческая дочь, она – дочь “короля ляховецкого”, т.е. польского (Фасмер М., 1967, с.553). А для знатных женщин средневековья верховая езда была вполне обычным делом, участвовали они и в охотничьих выездах знати. Именно от славянской королевны либо дочери русского богатыря Добрыня, не уронив своего достоинства, мог под угрозой позорной смерти принять предложение о женитьбе. А то, что Добрыня был сдернут с седла и посажен в кожаный мешок, является типичным приемом не только для кочевников. Общеизвестно, что славяне до половцев постоянно сражались с кочевыми народами (например, с хазарами и печенегами), от которых переняли некоторые виды оружия и отдельные приемы боя. Тем более, что богатырша “сдернула” Добрыню не арканом или каким-нибудь крюком, а “ухватила... Добрыню за желты кудри, сдернула Добрынюшку с коня долой...” (Добрыня Никитич, 1990, с.475).

Что же касается крещения девушки “поляницы”, то в кон.X – XI в. язычество на Руси еще не было искоренено, и поэтому естественно, что христианин Добрыня, который “крест клал да по писаному” (Добрыня Ники-

тич, 1990, с.477), не мог обвенчаться с язычницей. Проводить параллель между этим сюжетом и известными случаями женитьбы древнерусских князей на половчанках не корректно. Подобные браки заключались исключительно из политических соображений, что было вполне естественным для эпохи средневековья. Ни один источник даже косвенно не упоминает о каких-либо воинских умениях знатных половчанок. Следует отметить еще один важный, с нашей точки зрения, психологический момент. Русичи, создавая эпос (в данном случае былины), не унижали своих героев-богатырей, иначе этим они бы унизили себя. В былинах богатыри только побеждают, русский героический эпос не знает ни одного поражения. Таким образом, все вышесказанное свидетельствует о том, что поляница Настасья Никулична, победившая русского богатыря и под угрозой позорной смерти заставившая его жениться на себе, не может быть половчанкой. Подтверждает нашу мысль и отсутствие в тюрко-монгольском эпосе подобных сюжетов, хотя, как отмечает Р.С.Липец, у всех тюрко-монгольских народов евразийских степей есть эпические сказания и легенды о девах-воительницах и о женских дружинах (Липец Р.С., 1987, с.90). Женские дружины в тюркском эпосе выполняют только воинские функции. Они участвуют в военных действиях, преследуя врагов, разгромивших страну, осаждают чужие города, отбивают пленных и т.д. Однако войско возглавляют женщины при осаде или в походе только в чрезвычайных обстоятельствах: в случае отсутствия военачальника-мужчины. Кроме того, нередко наряду с воительницей в сражении участвуют испытанные военачальники и правители: Барс-богатырь и Цаса при Рогмо-Гоа, Арыслан и Отбаскан-Стальная Ладонь при Гулаим, Кан-Туралли при Сельджан-хатун. При этом особенностью образа женщины-воительницы, по мнению Р.С.Липец, является то, что действует она, как правило, в мужском облике, поскольку “как бы не решается открыть свой пол” (Липец Р.С., 1987, с.95). Возможно, это связано с тем, что женщина, облеченная властными полномочиями, воспринималась в кочевническом обществе как временное явле-

⁹ По В.И.Далю, “Поленица – удалыцы, ватага шатунов, наездники, разбойники. По(а)леница удалая, шайка, вольница. Поленичать – наездничать, витяжничать” (Даль В., 1980, с.258).

ние, в основном, до достижения наследником совершеннолетия.

Брачные состязания богатырш в тюрко-монгольском эпосе (а именно к такому мотиву можно отнести сюжет сражения Добрыни Никитича и Настасьи Никуличны) никогда не заканчиваются требованием женщины жениться на ней под угрозой смерти, тем более позорной. Наоборот, “девы-воительницы” яростно сопротивляются героям, претендующим на брак с ними. Так они поступают не только с нежелательными женихами, победив которых, богатырши нередко лично предают их смерти, но и с угодными претендентами. Например, Барчин в узбекском “Алпамыше” заставляет обрученного с ней в детстве героя пройти все испытания наряду с другими женихами. Брак богатырши осуществляется либо после победы над ней, либо “воительница становится как бы случайной жертвой батыра” (Липец Р.С., 1983, с.55). Вариант, описанный в русской былине, ни разу не встречен в тюрко-монгольском эпосе: никаких предсвадебных испытаний Добрыня не проходил, да и жениться, собственно, не собирался, поскольку выехал в “чисто поле” не невесту искать, а достойного противника.

Интересно мнение С.Г.Фатыхова о возможных причинах появления легенд об амазонках. Комментируя “странные битвы девственниц из кочевых племен, о которых говорится в каракалпакском эпосе и в некоторых античных текстах”, исследователь пришел к выводу, что они напоминают своеобразные обряды инициации (Фатыхов С.Г., 2008, с.582). Изоляция иницируемых девственниц от остальной кочевой массы, их обязанность охранять “менее мобильную матриархальную группу с детьми”, по мнению С.Г.Фатыхова, поддерживали мифическую славу амазонок, а может, стали причиной рождения легенд о них.

Еще один аргумент С.А.Плетневой, якобы свидетельствующий об институте “амазонства” у половцев, – женское изваяние из Николаева (Плетнева С.А., 1974, табл.70, №1205), которое исследовательница называет “единственной дошедшей до нас статуей женщины-амазонки (с саблей, колчаном, луком)” (Плетнева С.А., 1990, с.133). Она полагает, что “о реальном существовании таких женщин-воинов в половецком войске можно судить по замечательной статуе «амазонки»” (Плетнева С.А., 1974, с.74).

Если взглянуть на это изваяние внимательно, становится заметно, что оно резко отличается от всех приведенных в своде рисунков статуй. Например, подтреугольная (основанием вниз) форма живота. Аналогий ей нет. Характерная форма живота этого типа изваяний – округлая, подовальная, подпрямоугольная, изредка трапециевидная. Далее, “рога” также не имеют аналогий, они больше похожи на букли парика. Не имеет аналогий и шляпа-амазонка III типа. Приведенные С.А.Плетневой в качестве аналогий шляпы совершенно другие. Этот список нехарактерных для половецких изваяний деталей можно продолжить. Но уже указанных вполне достаточно, чтобы усомниться в подлинности скульптуры. Скорее всего, это – подделка кон.XVIII – нач.XIX в., изготовленная скульптором по заказу какого-нибудь помещика для украшения усадьбы.

Очень важен и следующий момент. С.А.Плетнева, как, впрочем, и многие другие исследователи, совершенно не учла, что главным в институте “амазонства” была не воинственность женщин, а то, что они жили отдельно от мужчин. Таким образом, женщины-воительницы и легендарные амазонки – не одно и то же, хотя и те, и другие – собирательные образы женщин, живших в условиях матриархальных отношений или кочевого образа жизни, не отвергающего участия женщин в военных кампаниях. Например, царица массагетов Томарис (VII в. до н.э.) отличалась исключительной военной хитростью. Персидский царь Кир предлагал ей выйти за него замуж, но она отказалась. Кир начал войну, однако Томарис разгромила его многочисленную армию, а Кир был убит в сражении (Геродот I, 214).

Как уже отмечалось выше, археологические источники также не подтверждают гипотезу С.А.Плетневой. Если в скифских, савроматских и особенно в сарматских женских погребениях содержится относительно большое количество предметов вооружения, то о половецких захоронениях такого сказать нельзя. В погребениях половчанок изредка встречаются одна-две стрелы, которые интерпретируются обычно как дары. Лишь в описаниях двух женских (?) захоронений есть упоминания о фрагментах сабли. Рассмотрим их подробнее. Комплекс Мамай-Гора 43/2: в отчете пол не

указан, в публикации (Каприцын И.И., 1993, с.265) это женщина 30-35 лет. Кроме типично женского инвентаря (“рога”, стеклопастовые бусы, височные подвески с биконической бусиной, имитации лазуритовых подвесок), упоминается фрагмент клинка сабли (?), найденный слева от ног. Причем рисунка и описания этого фрагмента нет, а знак вопроса поставлен автором публикации. Комплекс Благовещенка 1/1: в отчете пол не указан, в тезисах (Попандупуло З.Х., 1988, с.46) – женщина. Инвентарь: лазуритовые подвески, рогатые золотые колты, подвески из стекла, костяная рукоять плети, бронзовые бубенчики, кожаный кошель. Справа от правой ноги лежал обломок (верхняя часть с рукоятью) сабли. Судя по всему, пол автор публикации определила, исходя из присутствия в инвентаре женских украшений. Даже, если это верно, наличие обломка сабли вовсе не означает, что он принадлежал погребенной. Как известно, в захоронения клали не только личные вещи умерших, но и дары, адресованные богам, душам предков, ранее умершим и т.д.

Так или иначе, хотя ни письменные, ни археологические источники не дают нам прямых свидетельств о существовании половецких женщин-воинов, мы не вправе отрицать, что отдельные половецки эпизодически могли участвовать в битвах, что отнюдь не означает наличие у них института “амазонства”. Поэтому версию о том, что погребения половецких женщин, погибших в военных сражениях, мы не рассматриваем. Трактовка распрявленной гривны в качестве средства платежа за вход в загробный мир (Глебов В.П., Яценко В.В., 1998, с.52; Гугуев Ю.К., 2009, с.137) нашими материалами не подтверждается. Возможно, данные погребения принадлежат женам военных вождей, а, быть может, распрявление гривны осуществлялось в случае погребения вдовы.

¹⁰ Так, например, Плано Карпини отмечает, что “у Татар существует такой обычай, что дворов князей и вельмож они не разрушают, а всегда назначают для управления ими каких-нибудь женщин и им отдают часть подарков, как обычно давали их владыкам” (Путешествия в восточные..., 1957, с.73). Исследователи неоднократно отмечали влияние, которое оказывали на сыновей Оэлун – жена Есугэй-баатура и мать Чингис-хана, Туракина – жена Угэдэя и мать Гуюка, Соргахтани-беки – жена Толуя и мать Мункэ. Известные примеры регентства монгольских женщин: Туракина после смерти Угэдэя управляла Монгольской империей около пяти лет; вдова Кара-Хулагу Ургана-хатун в 1252-1261 гг осуществляла регентство при малолетнем Мубарек-шахе; вдова Бату Боракчина при Улагчи (брат или сын Сартака).

Прижизненный статус женщин из второй группы (с 2 ранговыми предметами), на наш взгляд, близок положению погребенных из третьей группы, которые, судя по всему, обладали наивысшим статусом в половецком обществе и всей полнотой власти в своей социальной ячейке. Такая ситуация, скорее всего, складывалась после смерти мужа при несовершеннолетних сыновьях. Вероятно, эти вдовы-регентши были наделены властными полномочиями и осуществляли управление своим родом, выполняя как хозяйственные, так и политические, и, возможно, военные (по обороне веж) функции. Эти предположения основываются на многочисленных письменных источниках, которые, несмотря на то, что описывают жизнь монгольских номадов¹⁰, могут, на наш взгляд, быть экстраполированы на половецкое общество.

Прижизненный статус и ранг знатных мужчин

Сравнение показателей мужских погребений дало достаточно выразительные результаты (табл. 3, 4). Так, во второй группе на 27% больше зафиксировано конструкций и остатков тризны в насыпи, чем в захоронениях с распрявленной гривной (ПРГ) и на 32,5% больше, чем в погребениях с котлом (ПК). Количество (в %) сложных ям в ПКРГ и в ПРГ одинаковое, а по сравнению с ПК их на 24% больше. В ПКРГ и в ПРГ в 2 раза больше, чем в ПК, зафиксировано перекрытий могильного сооружения. Показатели по гробовищу в ПКРГ и в ПРГ практически одинаковые, однако значительно превышают эти показатели в ПК (на 25% и 24% соответственно). На 22% больше в погребениях второй группы (и на 25% больше в ПК), чем в ПРГ, отмечено наличие остатков подстилки, мела, углей. В то же время в первой группе мужских погребений на 30% и на 20%

Табл. 3. Сравнительная характеристика (в %) отдельных признаков погребального обряда мужских погребений

Характеристика Вид погребения	основное	впускное	насыпь	простая яма	сложная яма	перекрытые	гробовище	подстилка, мел	ограблено	конь	Ориентировка	
											З	В
ПК (49)	35	65	26,5	29	41	20	57	44	59	51	53	47
ПРГ (37)	19	81	32	24	65	46	81	19	49	89	57	43
ПКРГ (17)	25	75	59	18	65	41	82	41	29	71	69	31

больше зафиксировано ограбленных комплексов, чем в ПКРГ. Самый высокий показатель по сопровождению конем зафиксирован в ПРГ (89%), что на 18% больше, чем в ПКРГ, и на 38% (!) больше, чем в ПК. Интересны показатели по оружию: по сабле в ПРГ и в ПКРГ они практически совпадают и превышают цифры в ПК на 30% и 32% соответственно. По доспеху¹¹ самые низкие показатели в ПРГ (в 2,5 раза меньше, чем в ПКРГ и на 15% меньше, чем в ПК). Выразительны цифры и по количеству предметов из драгметаллов: во второй группе их на 26% больше, чем в ПРГ, и в 3,1 раза больше, чем в ПК. Шелк (парча) или изделия из них на 17% чаще встречались во второй группе мужских погребений, чем в ПРГ, и в 4 раза чаще, чем в ПК. Интересно сравнить размеры гривен: во второй группе маленьких и меньше половины целой гривны фрагментов нет вообще, а в первой они составляют 48,5%, целых же (или практически целых) экземпляров во второй группе на 11,9% больше, чем в первой. Показательны цифры и по металлу гривен. Если серебряных и золотых гривен в обеих группах практически одинаковое количество, то железных в первой группе на 13% больше. Цифры различного объема котлов в обеих группах очень близки за исключением маленьких котлов, которых в ПКРГ нет вообще, а в ПК их 12%. Резюмируют вышеприведенные

данные показатели разрядов: во второй группе нет погребений с обычным инвентарем, в то время как в ПК их 29%, а в ПРГ их 35%; во второй группе богатых комплексов 29%, в ПРГ их нет, есть только 1 очень богатый комплекс (Чингул), в ПК – 4%. По захоронениям среднего уровня показатели второй группы также превышают соответствующие цифры первой на 9% (ПРГ) и 4% (ПК). В отличие от женских лишь половина мужских комплексов датируется XII-XIII вв. Большинство (59%) относится к золотоордынскому времени. Датировка 11% женских и 59% мужских погребений золотоордынским временем, на первый взгляд, неожиданна. Следует уточнить, что женские комплексы монгольского периода датируются не позднее 1-й пол. XIV в. (кроме широкодатируемых). Из мужских погребений к позднезолотоордынскому времени (2-я пол. XIV в.) отнесен только 1 комплекс. О том, что какая-то часть половецкой знати осталась в живых после монголо-татарского нашествия, исследователи писали неоднократно (см. библиографию вопроса: Потемкина Т.М., Кулешов Ю.А., 2010, с.286). И материал данной работы вновь подтверждает это предположение. По-видимому, в раннезолотоордынское время определенные представители половецкой знати, добровольно подчинившиеся монголам, по-прежнему носили шейные гривны, которые символизировали

¹¹ В показатель доспеха второй группы включены кольчуга – 71%, шлем – 29%, поножи – 12%, наручи – 6%.

высокий социальный статус владельцев. Интересно, на наш взгляд, процентное соотношение “обеспеченности” изделиями из драгметаллов мужских и женских погребений. Несмотря на то, что мужских захоронений со статусными предметами почти в два раза больше, чем женских, в женских комплексах – 279% изделий из драгметаллов, а в мужских – всего 121% (в 2,3 раза меньше). Процентные показатели имущественных разрядов мужчин и женщин также дают важную информацию. Погребений с обычным инвентарем в обеих группах приблизительно одинаковое количество (женских – 32%, мужских – 26%). А вот показатели погребений среднего уровня и богатых резко отличаются: средний уровень женские – 43%, мужские – 66%; богатые и очень богатые женские – 25%, мужские – 8%. Хотя в сумме эти цифры также близки: женские – 68%, мужские – 74%. О чем это говорит? На наш взгляд, эти данные свидетельствуют о том, что наличие изделий из драгметаллов в половецких мужских погребениях нельзя напрямую связывать с имущественным и социальным положением умершего.

Следует отметить, что наши материалы не подтверждают предположение С.А.Плетневой о том, что “величина и тщательность отделки обнаруженных в могилах котлов также означали ту или иную ступень на иерархической лестнице половецкого общества” (Плетнева С.А., 2003, с.163). Какой-либо особой отделки на котлах не зафиксировано, а их величина (средний, большой и очень большой объем) в сумме в женских погребениях составляет 100%, в мужских – 88-100%. Лишь в 4 мужских ПК находились котлы маленького (до 3 л) объема, но при этом только 2 из них с обычным инвентарем, 1 – среднего уровня, а 1 – богатое! И.Н.Анфимов и Ю.В.Зеленский предлагают свое видение: “Небольшие размеры котелка, видимо, объясняются молодостью погребенного” (Анфимов И.Н., Зеленский Ю.В., 2002, с.70). Хотя на предыдущей странице (с.69) авторы называют этого умершего (речь идет о погребении пожилой женщины Малаи 5/2) “пожилым человеком”, “возможно, вождем племени”, а отсутствие оружия в погребении объясняют “преклонным возрастом”. Комментарии, как говорится, излишни!

Погребения с котлом, судя по всему, принадлежали родоплеменным вождям, главам семейств, которые осуществляли только хозяйственные и политические функции, а возможно, в отдельных случаях и сакральные. Военные функции, по-видимому, не являлись их прерогативой, о чем говорят, например, самые низкие показатели по сабле и коню. В достаточно развитом социуме, как известно, общая тенденция в сфере общественной жизни была направлена в сторону разделения и появления специализированных носителей отдельных видов власти (Куббель Л.Е., 1988, с.98).

Мужчины из второй группы захоронений, вероятно, при жизни обладали всей полнотой власти, т.е. это были родоплеменные вожди, в обязанности которых входили как хозяйственные (руководство перекочевками, перераспределение пастбищ и водных ресурсов, охрана кочевий от диких зверей и угона скота, разрешение различных споров, торговля и т.д.), так и политические (ведение переговоров, заключение и расторжение союзов), и военные (организация военных походов и распределение добычи) функции. Скорее всего, это были главы родов и племен.

В то же время какая-то часть родоплеменных вождей по тем или иным причинам не могла выполнять все эти задачи, в частности, постоянно организовывать и возглавлять военные мероприятия. В таких случаях военные функции возлагались на энергичных, талантливых полководцев из числа военной аристократии. Война была их “специальностью” – они завоевывали новые земли, захватывали богатства, обороняли свои вежи (Плетнева С.А., 1974, с.75). Возможно, мужские погребения с распрямленной гривной из первой группы принадлежали именно таким военным вождям. Сложно сказать, осуществлялись ли их руководящие полномочия лишь в обстановке военных действий, и насколько они были реальными, когда эти действия заканчивались. Есть мнение, что “вожди как военные предводители приобретали значительную власть над соплеменниками и в кочевых империях, и вообще в военно-кочевых условиях” (Марков Г.Е., 1976, с.303). Власть военного вождя находила опору в факторах реального могущества – в богатстве, в непре-

рывном расширении круга зависимых от него людей и, конечно, в вооруженной силе, представленной дружиной.

Единственное погребение, которое выпадает из предложенной схемы, это Чингул. Как известно, на сегодня это самый богатый половецкий комплекс по всем параметрам. Тем не менее, несмотря на огромное количество богатого разнообразного инвентаря, самое большое количество коней, сложную конструкцию могильной ямы и различные конструкции в насыпи, включая мощную досыпку, в этом комплексе нет символа родоплеменной власти – котла. Как объяснить эту ситуацию? Исследователи единодушны, что в Чингуле погребен хан, предводитель крупной военной единицы (орды? тьмы?). Нам представляется, что отсутствие котла в данном захоронении, скорее всего, объясняется тем, что люди, проводившие погребальный обряд, не принадлежали к роду покойного, то есть речь идет о служилой аристократии, не связанной кровнородственными узами с умершим (Куббель Л.Е., 1988, с.105-106). Служилая аристократия формировалась на основе дружины предводителя, которая создавалась вне рамок традиции, поскольку ее членов объединяли не родственные и не общинные связи. Основой здесь, как справедливо отмечает Л.Е.Куббель, “служили профессиональная военная деятельность, ориентация на военный грабёж как основной источник средств к существованию, дополнявшиеся личной преданностью удачливому военному предводителю. В число дружинников мог войти любой чужак... Отнюдь не случайно множество... обществ знало постоянную «гвардию» правителя, чаще всего сформированную из чужаков, людей без сколько-нибудь прочных корней в данном обществе” (Куббель Л.Е., 1988, с.147).

Таким образом, сравнение отдельных характеристик погребального обряда мужских и женских комплексов подтвердило наши наблюдения о значительной разнице в имущественном статусе выделенных групп погребенных. По нашему мнению, имущественный статус в данном случае отражает и социальный статус умерших. Прежде всего, необходимо отметить, что все погребенные, как мужчины, так и женщины, являлись представителями знати. По-видимому, они стояли

на разных, хотя и близких, ступенях иерархической лестницы половецкого общества. Принцип иерархичности является фундаментальным для любой сложной системы, включая общественную (Бочаров В.В., 1996, с.36). А, как известно, средневековые общества были социумами высокой знаковости. Знаковая сущность явлений и вещей доминировала над их реальной сущностью, что помогало восприятию подобного мира как социально организованного (Юрченко А.Г., 2006, с.180). Люди высоких рангов имели отличительные символы. Внешние атрибуты власти четко разделяли знать и простых скотоводов. Кроме этого, как отмечают этнографы, “ритуалы жизненного цикла у вождей и знати были пышнее и разнообразнее... Обряды, связанные с рождением, инициациями, заключением браков, всегда являлись поводом подчеркнуть свой ранг и знатность” (Шнирельман В.А., 1985, с.105). То же самое относится и к погребальному обряду, поскольку социально-культурные различия более резко проявлялись именно в ритуальной сфере, а представления о порядках в загробном мире четко отражали социальные градации.

* * *

Некоторые положения, высказанные исследователями относительно распрямленной гривны и особенностей погребальной обрядности, связанной с ней, а также источника поступления шейных гривен к половцам, дискуссионны, поэтому требуют уточнения и более детального рассмотрения. К таким, в первую очередь, относится утверждение, что распрямленные гривны – это жезлы. Да, действительно, большинство гривен выпрямлено достаточно ровно и напоминает витые или гладкие прутья. Действительно, многие экземпляры, найденные *in situ*, обнаружены в кисти правой руки или рядом с ней, что дало основание назвать их жезлами. Но как быть с теми изделиями (а таких нам известно около 20), которые далеки от формы “палочки” (Потемкина Т.М., 2010в, рис.3)? Можно ли назвать эти искривленные дуговидные обрубки жезлами? И почему игнорируется другое местоположение распрямленных гривен? Например, в мужском комп-

лексе из Макеевки (р.Грузская) полуразогнутая с обрубленными петельками гривна лежала на груди погребенного. Обычное объяснение об “умерщвлении” вещей в данном случае не адекватно, поскольку в большинстве женских захоронений шейная гривна не разогнута, а в тех, где гривен две, распрямлена лишь одна.

Интерпретация распрямленных гривен в качестве средства платежа за вход в загробный мир также вызывает вопросы. Непонятно, почему в мужских погребениях гривна всегда разогнута, а для женских (не говоря уже о подростковых и детских) захоронений это достаточно редкое явление. Почему при погребении мужчин гривна всегда “переводилась” (если следовать логике В.П.Глебова, В.В.Яценко и Ю.К.Гугуева) из категории украшений в категорию денег, а при захоронении женщин лишь только в каждом четвертом случае производился этот “перевод”? И как тогда интерпретировать экземпляры, не вложенные в руку умершего? Отдельные исследователи до сих пор полагают, что распрямленные гривны использовались половцами при жизни. Так, Ю.В.Зеленский и И.Н.Анфимов, ссылаясь на Б.А.Рыбакова, утверждают, что дружина Игоря Святославича захватила среди добычи у половцев распрямленные гривны – “серебряное стружие” (Анфимов И.Н., Зеленский Ю.В., 2002, с.70). К сожалению, ссылка на Б.А.Рыбакова не совсем корректна. Вот что писал исследователь: “«Стружие» – не копьё, не древко копья, так как древко не бывает серебряным... Стружие – нечто вроде «маршальского жезла», но длиной около 180 сантиметров. Подобные серебряные жезлы известны по погребениям половецких ханов XII века” (Рыбаков Б.А., 1991, с.45). Как видим, стружие длиной 1,8 м никак не может быть распрямленной гривной, длина которой не превышает 50 см. Нам представляется, что вопрос интерпретации распрямленных гривен рано объявлять решенным, он требует более тщательного, глубокого и объективного подхода с учетом всех нюансов.

Еще один небольшой, но важный вопрос о статусе погребенных с железной гривной. Есть мнение, что все комплексы с железными гривнами характеризуются бедным и средним набором инвентаря и отсутствием социально значимых черт обрядности (Евглевский А.В., 1998, с.144). Во-первых, надо уточнить, что речь идет

о железной основе изделий: из 8 экземпляров, попавших в наш источник, 5 посеребренных (обвиты серебряной фольгой), 1 позолочен и только на двух отсутствует фольга из драгоценного металла. Причем фрагменты железной гривны без позолоты или серебряной фольги найдены в богатом мужском погребении Дубовики-I, 1/3 с досыпкой, в яме с заплечиками по периметру, с гробом-сундуком; сопроводительный инвентарь, несмотря на ограбление, содержал шлем, кольчугу, котел, саблю, золотые бляшки и др. Три погребения с позолоченной и посеребренными железными гривнами мы отнесли к разряду “с обычным инвентарем”, но надо отметить, что эти комплексы ограблены и разрушены. В 2 комплексах среднего уровня в насыпи зафиксированы такие социально значимые черты обрядности как ровики, досыпка, тризна. В женских погребениях ни разу не обнаружены распрямленные железные гривны. В то же время среди шейных гривен имеется 5 экземпляров, изготовленных из железа, 3 из них посеребрены, а 2 из погребений подростков 10-14 лет не имеют плакирования. Как видим, ситуация не так однозначна, как представляется на первый взгляд. Скорее всего, обедневшая знать была вынуждена заказывать более дешевый вариант инсигний ранга, не чуждались этого и некоторые достаточно богатые родоплеменные вожди. А возможно, на момент изготовления гривен у кочевников возникли проблемы с наличием заготовок из серебра/золота. Но, без сомнения, все железные гривны, которые носили взрослые мужчины и женщины, были плакированы золотой или серебряной фольгой, иначе эти предметы не соответствовали бы потребностям манифестирования социального и военного статусов.

Важнейшая проблема, о которой следует упомянуть, связана с ориентировкой погребенных с распрямленной гривной. Поскольку ареал распространения погребений с этими инсигниями ранга охватывает лишь половецкие земли, в науке утвердилось мнение об этнокультурном соотношении данных предметов исключительно с половцами. Более того, их даже уже называют “эталонными для половецкой культуры предметами” (Зеленский Ю.В., 2008, с.117). Как известно, половецкой традиционно считается восточная ориентировка. Казалось бы, комплексы с распрямленной грив-

ной (или хотя бы большинство из них) должны иметь ориентировку в восточном секторе. Но наши данные противоречат этому. Ориентировка мужских погребений, так же как и женских, дала неожиданные результаты. Большинство умерших в обеих группах ориентировано в западном секторе. Так, только 43% мужчин из первой группы имеет ориентировку в восточном секторе, а во второй группе показатель еще меньше – 31%. У женщин противоположная ситуация: в первой группе только 17% умерших ориентированы в восточном секторе, во второй группе таковых нет, в третьей – 40%. Как можно объяснить эти данные? Даже если учесть мнение С.А.Плетневой о том, что у части половцев при смешении с печенегами и торками восточная ориентировка сменилась на западную (Плетнева С.А., 1990, с.39), все равно картина мало изменится. А.В.Евглевский полагает, что большое разнообразие типов погребального обряда в захоронениях с распрямленной гривной свидетельствует о том, “что носителями такого ритуала были и другие племена, кроме собственно половцев” (Евглевский А.В., 1998, с.153). Какие именно другие племена, автор не уточнил. Мы склоняемся к иному мнению: поскольку половцы представляли собой конгломерат племен, включавший остатки печенежского, гузского, болгарского и аланского населения, широтная ориентировка была присуща всему этому этническому объединению, а восточная, возможно, сохранилась лишь у шары – “желтых” кипчаков.

В связи с неоднозначной этнокультурной атрибуцией позднекочевнических захоронений с распрямленной гривной необходимо упомянуть два комплекса с необычными для половецкого погребального обряда элементами. В женском погребении Солдатова 2/2 и в мужском захоронении Шевченко 3/1 умершие лежали скорчено на правом боку. У женщины руки согнуты и прижаты к грудной клетке, у мужчины правая рука вытянута, а левая согнута и прижата к груди, ноги согнуты под прямым углом. Кроме этого, в комплексе Шевченко 3/1 на ступеньке вместо традиционного коня зафиксированы обожженные деревянные плашки и кости овцы. При этом мужчина ориентирован головой на юго-запад, а женщина на северо-восток-восток. Что означает скорченность умерших, несет ли данный признак эт-

нокультурную нагрузку? Для ответа на эти вопросы нужны дополнительные исследования.

Дискуссионный момент связан и с источником поступления шейных гривен к половцам. Выше уже отмечалось мнение А.В.Евглевского, ссылающегося на Г.Ф.Корзухину, о древнерусском источнике этих социально значимых украшений. На наш взгляд, это положение требует кардинального пересмотра. Во-первых, ни на с.19 (здесь исследовательница объясняет принципы датировки ею древнерусских кладов), на которую ссылается А.В.Евглевский, ни на какой-либо другой Г.Ф.Корзухина не говорит о поступлении шейных гривен к кочевникам, поскольку она, в принципе, не рассматривала этот вопрос. Тем более, что основная масса древнерусских гривен типологически совершенно другая, чем кочевнические. На Руси “с конца XI в. выработался такой тип витой гривны, который продержался до самого монгольского завоевания: витая гривна из нескольких попарно скрученных жгутов с пластинчатыми наконечниками, закрученными на концах в трубочки, сквозь которые пропускали шнурок” (Корзухина Г.Ф., 1954, с.76). Из 97 экз. шейных гривен, описанных исследовательницей, лишь 5 представлены как “витые из пластины”, рисунки 2 из них (клад 131, с.Ключники и клад 117, Княжа Гора – оба из Поросья) приведены в приложении (Корзухина Г.Ф., 1954, табл.LIV, 7; XLVIII, 23). Да, они действительно аналогичны половецким шейным гривнам. Но это совсем не дает оснований утверждать, что они “поступали” к кочевникам. К тому же, по мнению Г.Ф.Корзухиной, “к концу домонгольского периода (XII-XIII вв.) некоторые украшения... в частности шейные гривны и браслеты, перестали носиться мужчинами” (Корзухина Г.Ф., 1954, с.64). А, как было показано выше, подавляющее большинство (66%) половецких погребений с гривнами (как с шейными, так и с распрямленными) датируется именно этим периодом. Для того, чтобы внести ясность в вопрос, привлечем изыскания Л.С.Гераськовой и С.А.Плетневой. Изучив азиатские и европейские позднекочевнические скульптуры, Л.С.Гераськова выделила массив ранних тюркских (дополовецких) восточноевропейских изваяний (VIII-X вв.). На некоторых из них имеются изображения шейных гривен (Гераськова Л.С., 1991, с.72, рис.13). На ранних (2-я пол.XI – нач.XII в.) половецких из-

ваяниях (типы I и VI, по С.А.Плетневой) также зафиксированы указанные украшения. Это свидетельствует о том, что кипчаки, появившись в южнорусских степях, уже пользовались данным предметом. Кроме этого, следует отметить, что гривна, как статусный предмет, не могла находиться в свободной продаже, а, следовательно, “поступать” в Степь. Гривны из драгоценных металлов делались на заказ для представителей знати. Отдельные экземпляры древнерусского производства могли попасть к кочевникам лишь в качестве дара или как военная добыча. Изготавливались половецкие гривны в степи из кованой проволоки, что не требовало сложной

технологии. Подтверждает эту мысль и наличие железных гривен.

Таким образом, можно констатировать, что погребальный обряд знатных половцев, как мужчин, так женщин, отражал не только (и не столько) их имущественное положение, но и, в первую очередь, манифестировал достаточно высокий прижизненный социальный статус погребенных. Котел, шейная и распрямленная гривны или их набор как ранговые знаки маркировали определенную социальную ступень половецкой иерархической структуры, на которой находились представители знати.

Литература и архивные материалы

- Анфимов И.Н., Зеленский Ю.В.**, 2002. Половецкие погребения из Восточного Приазовья// Историко-археологический альманах. Вып.8. Армавир; Москва.
- Белов М.А.**, 2009. Кочевническое погребение у станицы Кисляковской Краснодарского края// Материалы пятой Кубанской археологической конференции. Краснодар.
- Бочаров В.В.**, 1996. Власть и символ// Символы и атрибуты власти. Генезис, семантика, функции. СПб.
- Бунятян Е.П.**, 1985. Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV-III вв. до н.э.). К.
- Византийские историки**, переведенные с греческого при С.Петербургской Духовной Академии. Сокращенные сказания о делах царя Алексея Комнина. Труды Анны Комниной, 1859/ Пер. под ред. В.Н.Карпова. Часть первая. СПб.
- Гераськова Л.С.**, 1991. Скульптура середньовічних кочовиків степів Східної Європи. К.
- Глебов В.П., Яценко В.В.**, 1998. Позднекочевническое погребение на севере Ростовской области// Донская археология. № 1. Ростов-на-Дону.
- Гриб В.К.**, 1986. Об одном из атрибутов власти в погребениях поздних кочевников// Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе: тез. докл. обл. науч.-практич. семинара. Донецк.
- Гугуев Ю.К.**, 2009. Рассказ Жана де Жуанвиля о похоронах знатного кумана// Тюркологический сборник. 2007-2008: история и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М.
- Даль В.**, 1980. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.3.П. М.
- Добролюбский А.О.**, 1978. О реконструкции социальной структуры общества кочевников средневековья по данным погребального обряда// Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. К.
- Добролюбский А.О.**, 1982. О принципах социологической реконструкции по данным погребального обряда// Теория и методы археологических исследований. К.
- Добрыня Никитич**, 1990// Гуси-лебеди. Фольклор для детей от колыбельных до былин/ Сост., вступ. ст. и комм. В.И.Калугина. М.
- Евглевский А.В.**, 1998. Семантика распрямленных гривен в контексте погребального обряда кочевников Восточной Европы XII-XIV вв.// Археологический альманах. № 7. Донецк.
- Зеленский Ю.В.**, 2008. Поножи из половецкого погребения в степном Прикубанье// Военная археология: Сборник материалов семинара при Государственном Историческом музее. Вып.1. М.

- Каприцын И.И.**, 1993. Средневековые погребения из кургана 43 могильника Мамай-Гора// Древности степного Причерноморья и Крыма. Т.IV. Запорожье
- Комнина Анна**, 1965. Алексиада/ Вступ. ст., пер. и комм. Я.Н.Любарского. М.
- Корзухина Г.Ф.**, 1954. Русские клады IX-XIII вв. М.; Л.
- Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.**, 2006. Империя Чингис-хана. М.
- Куббель Л.Е.**, 1988. Очерки потестарно-политической этнографии. М.
- Липец Р.С.**, 1983. “Завоеванная женщина” в тюрко-монгольском эпосе// Фольклор и историческая этнография. М.
- Липец Р.С.**, 1987. Модификация образа женщины-воительницы в тюрко-монгольском эпосе// Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск.
- Марков Г.Е.**, 1976. Кочевники Азии. М.
- Моця А.П., Козловский А.А., Рутковская Л.М.**, 1986. Позднесредневековые памятники Причерноморья, Приазовья и Крыма// Археология Украинской ССР. Т.3. К.
- Ольховский В.С.**, 1995. Погребальная обрядность и социологические реконструкции// РА. № 2.
- Отрощенко В.В., Рассамакін Ю.Я.**, 1986. Половецкий комплекс Чингульського кургану// Археологія. № 53.
- Плетнева С.А.**, 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях// МИА. № 62.
- Плетнева С.А.**, 1974. Половецкие каменные изваяния// САИ. Вып.Е 4-2.
- Плетнева С.А.**, 1981. Печенеги, торки, половцы// Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- Плетнева С.А.**, 1983. Средневековые “амазонки” в европейских степях// Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н.э. Воронеж.
- Плетнева С.А.**, 1990. Половцы. М.
- Плетнева С.А.**, 2003. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. IV-XIII века. Воронеж.
- Попандопуло З.Х.**, 1988. Погребение с оружием и женскими украшениями// Международные связи в средневековой Европе. Тез. докл. и сообщ. Запорожье.
- Потемкина Т.М.**, 2010а. Институт “амазонства” у половцев: миф и реальность// Літопис Донбасу. № 18. Донецьк.
- Потемкина Т.М.**, 2010б. Половецкие погребения с шейной гривной: социокультурный аспект// Нові сторінки історії Донбасу. Кн.19. Донецьк.
- Потемкина Т.М.**, 2010в. Прижизненный статус погребенных с распрявленной гривной из позднекочевнических комплексов Восточной Европы// Сб-к памяти В.П.Костюкова. Астрахань (в печати).
- Потемкина Т.М., Кулешов Ю.А.**, 2010. Погребения восточноевропейских средневековых кочевников с защитным вооружением: этнокультурный и социальный аспекты// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.8. Золотоордынское время. Донецк.
- Путешествия** в восточные страны Плано Карпини и Рубрука, 1957. М.
- Рыбаков Б.А.**, 1991. Поиск автора “Слова о полку Игореве”. М.
- Усачук А.Н., Полидович Ю.Б., Колесник А.В.**, 2004. Курганы Донбасса в народном восприятии и научной практике (до начала XX века): мифы и реальность// Археологический альманах. № 14. Курганы Донбасса. Донецк.
- Фасмер М.**, 1967. Этимологический словарь русского языка. Т.II. (Е-Муж.). М.
- Фатыхов С.**, 2008. Мировая история женщины. Хроно-культурологическое и фактографическое осмысление. Екатеринбург.
- Федоров-Давыдов Г.А.**, 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
- Цимиданов В.В.**, 2004. Социальная структура срубного общества. Донецк.
- Шалобудов В.Н.**, 1990. Еще раз о находках распрявленных гривен в половецких погребениях// Исследования по археологии Поднепровья: Межвуз. сб. науч. тр. Днепропетровск.

- Шалобудов В.Н., Яремака В.Н.**, 1987. Гривны в погребениях средневековых кочевников// Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Днепропетровск.
- Швецов М.Л.**, 1980. Котлы из погребений средневековых кочевников// СА. № 2.
- Шнирельман В.А.**, 1985. Классообразование и дифференциация культуры (По океанийским этнографическим материалам)// Этнографические исследования развития культуры. М.
- Юрченко А.Г.**, 2006. Власть и женская мода в Монгольской империи// IX Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 8-12 августа 2006 г.). Доклады российских ученых. М.

Summary

T.M.Potyomkina (Donetsk, Ukraine)

HIERARCHY OF POLOVTSIAN NOBILITY (BASED ON BURIALS WITH STATUS OBJECTS)

The paper gives a detailed account of the funeral ceremony of Eastern European female and male Polovtsian burials whose grave goods include socially significant objects, such as a cauldron, neck and unbent grivnas or their combinations.

Using the data of written records, folklore, and ethnography, the author comes to a conclusion that these deceased were nobles belonging to different, though close ranks in the hierarchy of the Polovtsian society. Syncretism of traditional consciousness enabled one person to combine several functions (i.e. power, military, ritual etc.). However, the general tendency of the Polovtsian social life was to differentiate these functions, which resulted in the appearance of specialised bearers of separate kinds of power.

The paper considers a number of debatable points connected with interpretation of an unbent grivna as a rod, with the place of manufacturing these objects, and peculiarities of manifesting these insignia. Ambiguity of ethnocultural correlation of the burials with an unbent grivna exclusively with the Polovtsy has been pointed out.

The funeral ceremony of the notable Polovtsy, both males and females, displayed not only (and not so much) their property status, but also was indicative of a rather high lifetime social status of the deceased. A cauldron, neck and unbent grivnas or their sets as rank signs denoted a certain social level of the Polovtsian hierarchical structure to which representatives of the nobility belonged.

Статья поступила в редакцию в сентябре 2010 г